Ѳ. Е. Коршу.

Григорій Григорьевичъ

Новицкій

въ воспоминаніяхъ стараго ученика

Н. В.

МОСКВА.

Типографія Г. Лисснера и А. Гешеля.

Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лисснера.

1903.

Г. Г. НОВИЦКІЙ.

1873 г.

Фотот. П. Павлова.

Г. Г. НОВИЦКІЙ.

1895 г.

Фотот. И. Павлова.

Отрывокъ изъ письма 1885 года.

Нельзя учить тому, чего не признаешь за истину. Но скоро и попадешь въ [illegible] положеніе: можно дойти до того . . . ., что утратится всякое сознаніе объ истинѣ и неистинѣ: и изъ той и изъ другой человѣчество сдѣлается сначала равнодушно, а потомъ и совсѣмъ забудетъ эти понятія, и слова, ихъ выражающія, исчезнутъ изъ человѣческаго языка, и мысль надъ учащимися перейдетъ къ понятіямъ: _выгода_ и _невыгода_, _опасно_ и _безопасно_.

[illegible]

Григорій Григорьевичъ

Новицкій

въ воспоминаніяхъ стараго ученика

Н. В.

МОСКВА.

Типографія Г. Лисснера и А. Гешеля.

Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лисснера.

1903.

Дозволено цензурою. Москва, 10 декабря 1902 г.

Beatae planae aures, quae non vocem foris sonantem, sed intus auscultant veritatem docentem.

Gersonius (XV вѣкъ).

Одна изъ любимыхъ цитатъ Г.Г.Новицкаго.

24 января 1902 скончался на 72-мъ году жизни Григорій Григорьевичъ Новицкій. Покойный занималъ скромное мѣсто учителя въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ города Москвы, всю жизнь былъ только учителемъ и передъ смертью, въ бреду, толковалъ еще о программахъ и конспектахъ. Хотя онъ не оставилъ послѣ себя печатныхъ трудовъ, однако черезъ его руки, въ теченіе его полувѣковой дѣятельности, прошло нѣсколько поколѣній, на развитіе которыхъ онъ вліялъ болѣе или менѣе; притомъ онъ пользовался не только извѣстностью, но и общими симпатіями, какъ со стороны многочисленныхъ своихъ учениковъ, такъ и со стороны значительнаго круга лицъ изъ московскаго общества. Про него можно сказать, что онъ былъ популяренъ такъ, какъ рѣдкому удается.

Гейне говоритъ: „Безъ положительнаго содержанія нельзя возбудить къ себѣ ни въ комъ ни дружественныхъ, ни враждебныхъ настроеній. Требуется огонь, чтобъ воспламенить людей какъ для ненависти, такъ и для любви“*). Такое положительное содержаніе было, несомнѣнно, у Г. Г—а. Это была по своему внутреннему складу далеко не заурядная личность. Такихъ людей, какъ онъ, не приходится встрѣчать

*) Ohne positiven Gehalt kann man in dieser Welt weder günstige, noch feindliche Passionen erwecken. Es gehört Feuer dazu, um die Menschen zu entzünden, sowohl zum Hass, als zur Liebe (Heine).

на каждомъ шагу, и онъ заслуживаетъ, безъ сомнѣнія, большаго вниманія, чѣмъ тѣ короткіе, хотя и сочувственные отзывы, которыми почтили его память нѣкоторыя газеты.

Быть можетъ, многочисленные друзья и ученики покойнаго, разсѣянные по нашему обширному отечеству, если имъ попадутся на глаза эти строки, посвященныя воспоминаніямъ объ немъ, прочитаютъ ихъ не безъ интереса. Пишущій, съ полвѣка тому назадъ, былъ самъ въ числѣ учениковъ Г. Г—а, а затѣмъ все время, до самой его кончины, находился въ числѣ близкихъ къ нему лицъ и имѣлъ возможность изъ его собственныхъ устъ узнать много автобіографическихъ подробностей, бросавшихъ свѣтъ на его развитіе и внутренній міръ.

Сообщая различныя свѣдѣнія о жизни и привычкахъ Г. Г—а, пишущій позволяетъ себѣ надѣяться, что не навлечетъ на себя нареканій за излишество: цѣль его — писать не панегирикъ, въ которомъ память покойнаго не нуждается, а портретъ, возможно живой и близкій къ оригиналу.

* * *

Отецъ Г. Г—а, Григорій Ивановичъ Новицкій, происходилъ изъ смоленскихъ купеческихъ дѣтей; гдѣ учился — неизвѣстно. Начавши службу въ 1794 г. въ Смоленской духовной консисторіи, Григорій Ивановичъ въ теченіе жизни объѣхалъ нѣсколько уѣздныхъ городовъ той же губерніи, служа по разнымъ учрежденіямъ: по земскимъ судамъ, въ уѣздномъ казначействѣ, въ городническомъ правленіи, въ дворянской опекѣ. Онъ умеръ отъ холеры, 48 лѣтъ отъ роду, въ 1831 г., состоя въ должности Бѣльскаго уѣзднаго стряпчаго. Жена его, Анна Ивановна, происходившая изъ нѣмецкой семьи Петерсъ, осталась послѣ него съ четверыми малолѣтними дѣтьми безъ всякихъ средствъ.

Старшая была дочь. Ее взялъ на воспитаніе богатый помѣщикъ Лыкошинъ. Трехъ мальчиковъ удалось помѣстить въ 1833 году въ Москву, въ Александринскій сиротскій институтъ, открытый по повелѣнію императора Николая I спеціально для пріема сиротъ, оставшихся послѣ чиновниковъ гражданскаго вѣдомства, умершихъ отъ холеры. Въ обыкновенномъ разговорѣ институтъ такъ и назывался Холернымъ. Вначалѣ онъ помѣщался гдѣ-то на Басманной, а впослѣдствіи въ томъ зданіи, гдѣ теперь находится Александровское военное училище, на Знаменкѣ.

Г. Г. былъ самымъ младшимъ изъ дѣтей; его приняли въ институтъ прямо съ рукъ кормилицы. Въ стѣнахъ института до окончанія курса онъ провелъ около 20 лѣтъ. Такимъ образомъ онъ никогда не зналъ семьи, и это обстоятельство имѣло, конечно, большое вліяніе не весь складъ его характера.

Въ этомъ надо искать отчасти причину, почему, имѣя сильно развитый инстинктъ общественности, онъ никогда не ощущалъ потребности самому устроиться по-семейному.

Одно изъ самыхъ раннихъ воспоминаній его относилось къ посѣщенію института императоромъ Николаемъ. Осмотрѣвши старшіе классы, государь зашелъ въ малолѣтнее отдѣленіе, гдѣ дѣти были разставлены въ шеренгу по ранжиру. Г. Г., какъ самый маленькій, стоялъ послѣднимъ: ему въ это время было лѣтъ 5—6. Государь любилъ дѣтей. Остановившись по срединѣ залы во весь свой могучій ростъ, онъ широко раздвинулъ ноги и скомандовалъ: „Маршъ въ ворота!“ И дѣти проходили, не сгибаясь. Когда дошла очередь до Г. Г—а, государь сомкнулъ надъ нимъ колѣни, затѣмъ поднялъ его и, посадивъ къ себѣ на плечи, прошелся съ нимъ по комнатѣ.

„Такимъ образомъ“, говаривалъ Г. Г., „я могу похвастаться, что возсѣдалъ на раменахъ у могущественнѣйшаго монарха того времени!“

Г. Г—у пришлось видѣть государя въ стѣнахъ института не разъ, и онъ увѣрялъ, что въ чертахъ его лица съ годами можно было замѣтить существенную перемѣну: первоначально мягкое и ласковое выраженіе постепенно замѣнилось болѣе суровымъ.

Хотя господствовавшій режимъ не могъ миновать холернаго института, однако, по счастливому стеченію обстоятельствъ, онъ не носилъ тамъ особо тяжелаго характера. Конечно, въ старшихъ классахъ учили маршировкѣ, а на фонѣ институтскихъ порядковъ красовались неизбѣжныя розги, безъ которыхъ тогда не обходилось ни одно учебное заведеніе. Были такіе счастливцы, которыхъ пороли еженедѣльно въ день экзекуціи, по субботамъ. Новицкому не пришлось однако страдать отъ этого порядка, такъ какъ шалуномъ онъ не былъ и учился хорошо, а потому и воспоминанія, вынесенныя имъ изъ стѣнъ института, не были непріятными. Благодаря удачному подбору начальства и преподавателей, воспитаніе дѣтей велось во многихъ отношеніяхъ разумно, безъ мертвящаго формализма. Не даромъ среди педагогическаго персонала находились такіе

высокообразованные люди, какъ П. Г. Рѣдкинъ, отличный юристъ, впослѣдствіи профессоръ, и Аполлонъ Александровичъ Григорьевъ, извѣстный впослѣдствіи литературный критикъ. Рѣдкинъ не только преподавалъ законовѣдѣніе, но и состоялъ нѣкоторое время инспекторомъ, что̀ давало ему возможность влiять и на общее направленіе дѣлъ въ институтѣ. Не его ли благотворному вліянію слѣдуетъ приписать то сильно развитое чувство собственнаго достоинства, которое, по словамъ Новицкаго, было присуще воспитанникамъ и которое отличало и его самого?

„Нашего брата, воспитанника института“, разсказывалъ онъ, „ужъ никакъ нельзя было обвинить въ рабьихъ наклонностяхъ. Приниженность и низкопоклонство были намъ совсѣмъ чужды. Мы были бойкіе“.

Аполлонъ Григорьевъ преподавалъ въ высшихъ классахъ исторію совершенно на университетскій ладъ: разсказывая и объясняя самъ, онъ почти не спрашивалъ уроковъ, совѣтовалъ учащимся самимъ заботиться о расширеніи своихъ познаній, рекомендовалъ и приносилъ имъ для чтенія книги по исторіи и литературѣ. Отъ него, между прочимъ, Г. Г. получилъ Histoire des Girondins Ламартина. Это было одно изъ первыхъ серьёзныхъ историческихъ сочиненій, прочитанныхъ имъ въ жизни. Изъ школьнаго періода сохранилось обширное извлеченіе, сдѣланное Г. Г—мъ изъ какого-то сочиненія о войнѣ за независимость Греціи*).

---

*) Среди бумагъ Г. Г—а сохранилась тетрадь если не школьнаго, то, во всякомъ случаѣ, ранняго періода его жизни, куда онъ вписывалъ цитаты и афоризмы, заимствованные у различныхъ писателей, а также пословицы. Отсюда можно усмотрѣть его знакомство съ произведеніями Спинозы, Шиллера, Гёте, Гервинуса (Einleitung in die Geschichte d. XIX Jahrh.), Ранке (Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation), Vaulabelle (Histoire des deux restaurations), Mirabeau, Jean Jacques Rousseau, Aimé Martin, а также Пушкина (Евг. Онѣгинъ), Тургенева („Записки охотника“), Печерскаго и др. Чтобы дать понятіе о направленіи этихъ выписокъ, приведу нѣкоторыя изъ нихъ: Die Fühlbarkeit für das schwache Menschengeschlecht ist das einzige Glück auf Erden, die wahre Theologie (Göthe). Die Vollkommenheit ist die Norm des Himmels, das Wollen des

Вліяніе Рѣдкина и Григорьева опредѣлило направленіе, по которому стало развиваться молодое сознаніе: отъ перваго перешелъ къ Г. Г—у интересъ къ наукѣ о правѣ, отъ второго — къ исторіи и литературѣ. Оба съ своей стороны отличали не по лѣтамъ серьёзнаго, трудолюбиваго и способнаго юношу. Г. Г. разсказывалъ при случаѣ, что уроки любимыхъ предметовъ давались ему необыкновенно легко: ему стоило прочитать только одинъ разъ внимательно заданный урокъ, чтобы удержать все въ памяти.

Большой заслугой Холернаго института было то, что въ немъ учили обстоятельно новымъ языкамъ — французскому и нѣмецкому, заставляя не только переводить, но и говорить. У Г. Г—а были хорошія лингвистическія способности, позволявшія ему съ легкостью схватывать особенности каждаго языка; онъ и любилъ языковѣдѣніе. По-французски и по-нѣмецки онъ говорилъ довольно бойко, хотя и безъ хорошаго произношенія. Въ институтѣ, уже по собственной охотѣ, онъ изучилъ и языки латинскій, итальянскій и англійскій. До послѣдняго времени онъ говаривалъ, что чтеніе Цезаря не представляетъ для него затрудненія; съ четырьмя же новыми языками онъ былъ настолько хорошо знакомъ, что, случалось, переводилъ вслухъ безъ запинки цѣлыя главы à livre ouvert. Такъ было, напр., съ Essays Маколея. Впослѣдствіи онъ преподавалъ французскій и нѣмецкій языки юнкерамъ Александровскаго военнаго училища въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ. Такимъ образомъ ему пришлось быть преподавателемъ въ тѣхъ же стѣнахъ, гдѣ онъ самъ прежде учился.

Около Рѣдкина и Григорьева сосредоточивались свѣтлыя воспоминанія. Въ памяти Г. Г—а сохранилось однако не мало подробностей объ учителяхъ-педантахъ и чудакахъ, которыми изобиловало тогдашнее время. Однажды у него вышла боль-

---

Vollkommenen — die Norm des Menschen (Göthe). Les principes font la loi des faibles; les forts les proclament, mais n'y obéissent pas (Vaulabelle). „Начальство не свой братъ: вѣдь стоя безъ шапки да переступая съ ноги на ногу, много не накалякаешься“ (Печерскій). „И въ раю тошно жить одному“ (пословица).

шая непріятность съ профессоромъ Н. Е. Зерновымъ, преподававшимъ математику, къ которой у Новицкаго не было ни способностей, ни любви. Замѣтивши, что Г. Г. не относится съ должнымъ вниманіемъ къ его объясненіямъ въ классѣ, Зерновъ потребовалъ, чтобы онъ, уже взрослый юноша, сталъ въ уголъ. Г. Г. отказался повиноваться. Зерновъ разсердился, отправился съ жалобой къ Рѣдкину и потребовалъ для непослушнаго примѣрнаго наказанія; однако Рѣдкинъ, любившій Г. Г—а, согласился только сдѣлать ему выговоръ, что̀ Зернову показалось недостаточнымъ. Говорили, что Зернова это такъ оскорбило, что онъ вскорѣ послѣ этого инцидента отказался отъ преподаванія въ институтѣ.

Былъ какой-то учитель логики, поражавшій своеобразной грубостью. Ученику, не знавшему урока, онъ не говорилъ просто: „Садись на мѣсто“, а—метафорически: „Дерево, садись на дерево!“

Кончавшіе курсъ ученики пользовались правомъ поступленія въ университетъ. Такъ поступили на юридическій факультетъ товарищи и друзья Новицкаго, бывшіе однимъ или двумя выпусками старше его, Веніаминъ Яковлевичъ Ѳедоровъ и Александръ Прохоровичъ Ѳедотовъ*). Въ университетъ намѣревался перейти и онъ. Это ему однако не удалось.

Европейскія событія 1848 г. круто отозвались, какъ извѣстно, на внутренней политикѣ Россіи. Число студентовъ было ограничено. Между другими стѣснительными по отношенію къ просвѣщенію мѣрами находилось и лишеніе воспитанниковъ Александринскаго сиротскаго института право поступленія въ университетъ. Самый институтъ подвергся преобразованію, программа преподаванія въ немъ была сокращена и онъ превращенъ въ училище для подготовленія канцелярскихъ служителей.

---

*) Оба кончили жизнь въ Москвѣ: В. Я. Ѳедоровъ — въ 90-хъ годахъ въ должности предсѣдателя цензурнаго комитета, а А. П. Ѳедотовъ — въ 1902 г. въ должности отдѣльнаго цензора по иностранной цензурѣ.

* * *

Такимъ образомъ двери университета совершенно неожиданно, но безповоротно захлопнулись передъ Г. Г—мъ. Безъ всякой съ своей стороны вины онъ лишался возможности продолжать образованіе и получить дипломъ высшаго учебнаго заведенія, что закрывало ему дорогу и наносило огромный вредъ его матеріальнымъ интересамъ въ будущемъ. Это обстоятельство, конечно, было большимъ разочарованіемъ для молодого человѣка, отлично кончившаго курсъ и имѣвшаго право разсчитывать на лучшія перспективы въ жизни, и опредѣлило отчасти его отрицательное отношеніе къ реакціоннымъ движеніямъ въ исторіи. Такъ какъ на немъ, въ качествѣ казеннаго стипендіата, лежало обязательство прослужить 6 лѣтъ на коронной службѣ, то ему ничего не оставалось другого, какъ вступить въ жизнь мелкимъ чиновникомъ, что онъ и сдѣлалъ.

Онъ поступилъ въ началѣ 50-хъ годовъ помощникомъ столоначальника въ дореформенную уголовную палату, помѣщавшуюся около Иверской часовни, тамъ, гдѣ теперь возвышается правая сторона зданія Думы. Въ виду того, что на нищенское жалованье существовать было совершенно немыслимо, ему предстояло подумать о постороннемъ заработкѣ. Онъ сталъ давать частные уроки.

Жизнь тогдашняго мелкаго чиновничества представляла въ себѣ очень мало привлекательнаго. Помимо множества историческихъ мемуаровъ и воспоминаній, Островскій выяснилъ ея специфическія черты настолько обстоятельно и ярко, что съ нимъ хорошо знакомо все образованное русское общество; люди же стараго поколѣнія, заставшіе старые порядки еще въ ихъ полномъ расцвѣтѣ, могутъ засвидѣтельствовать, что

въ типахъ, созданныхъ даровитымъ драматургомъ, не было ничего преувеличеннаго. Съ одной стороны — канцелярщина, то-есть безконечное и безсмысленное переписыванiе бумагъ, полная безотвѣтность младшаго передъ старшимъ, взятки, кляуза, отсутствiе всякихъ духовныхъ интересовъ, съ другой — загулъ, — загулъ грубый и грязный, въ качествѣ корректива для невозможно тупого существованiя. Еще надо правду сказать, что Г. Г. попалъ на службу въ то время, когда въ воздухѣ, вопреки всѣмъ стѣсненiямъ и притѣсненiямъ, стали чувствоваться новыя вѣянiя, отзывавшiяся и на быту чиновниковъ. А то ему бы пропадать безъ протекцiи.

Предсѣдателемъ уголовной палаты былъ въ то время Селивановъ, человѣкъ образованный и просвѣщенный, самъ пописывавшiй въ журналахъ. Таковъ же былъ и Дмитрiй Александровичъ Ровинскiй, прокуроръ палаты, впослѣдствiи сенаторъ, извѣстный собиратель гравюръ. Не было причины жаловаться и на совѣтника Сухотина и секретаря Доброхотова, непосредственнаго начальника Новицкаго. Зато Г. Г—у пришлось сразу заслужить антипатiю товарища предсѣдателя Венцеля, человѣка необразованнаго и грубаго, выслужившагося изъ писцовъ, пользовавшагося однако расположенiемъ графа Закревскаго. На бѣду съ Венцелемъ приходилось нерѣдко имѣть дѣло, такъ какъ онъ замѣнялъ Селиванова, который прихварывалъ и часто не являлся въ должность.

Люди такихъ противоположныхъ развитiй и направленiй, какъ Венцель и молодой Новицкiй, само собою разумѣется, не могли вмѣстѣ ужиться. За Новицкимъ было преимущество образованiя, а въ образованiи, какъ показываетъ ежедневный опытъ, есть что-то невыразимо отталкивающее для убѣжденныхъ представителей мрака и невѣжества. Кромѣ того, Г. Г. не былъ искателенъ и никогда не отличался способностью гнуть спину передъ начальствомъ. Этого было достаточно, чтобъ на него стали смотрѣть косо.

Не слѣдуетъ забывать, что все это происходило въ началѣ 50-хъ годовъ, передъ Крымской войной, когда строгость была лозунгомъ дня и когда съ усиленной подозрительностью слѣ-

дили за тѣмъ, чтобы западныя вѣянія не находили себѣ отголоска у насъ. Въ Москвѣ царствовалъ самовластно Arsénic-Pacha, какъ звали въ обществѣ графа Арсенія Андреевича Закревскаго, при чемъ на ушко говорилось, что у генералъ-губернатора есть въ распоряженіи бланки за подписью государя, дававшія ему самыя обширныя полномочія по части упраздненія гражданскихъ правъ лицъ, признаваемыхъ имъ неудобными.

„Наши отношенія съ Венцелемъ", разсказывалъ Г. Г., „сразу какъ-то установились не изъ пріятныхъ. Я не могъ не замѣтить, что не нравлюсь ему. Начались придирки къ моему дурному почерку, правду сказать, совершенно справедливыя. Но что же мнѣ дѣлать, когда меня красивѣе писать не выучили, да и считали въ институтѣ кое-что другое поважнѣе, чѣмъ почеркъ руки? Стали коситься за неловкій поклонъ, обращать вниманіе на разстегнутый мундиръ, на то, что я не во-время всталъ или сѣлъ. Однажды, проходя въ канцеляріи мимо меня, Венцель вдругъ неизвѣстно почему спросилъ меня: „Вы, кажется, меня о чемъ-то просили?" — „Я ни о чемъ никогда васъ не просилъ", вырвалось у меня какъ-то сразу съ нѣкоторой рѣзкостью. Онъ мнѣ это припомнилъ. Какъ-то стою я передъ нимъ въ присутствіи съ докладомъ. Вдругъ какъ закричитъ онъ на меня: „Мальчишка! Щенокъ! Какъ смѣешь такъ стоять въ присутствіи передъ зерцаломъ и передъ начальствомъ?!" Я обомлѣлъ и сразу не понялъ въ чемъ дѣло. Оказалось, что я по разсѣянности во время доклада засунулъ свободную руку въ карманъ брюкъ. А онъ продолжалъ гремѣть: „Позвать сюда секретаря! Составить протоколъ и переслать его къ графу. Я тебѣ покажу, рес-пуб-ли-ка-нецъ!" Дѣло мое казалось плохое, потому что Закревскій шутить не любилъ, и я не знаю, чѣмъ бы кончилась эта непріятность, если бъ за меня не заступился Ровинскій. Въ качествѣ прокурора, онъ отказался пропустить постановленіе о пересылкѣ протокола и моей особы самолично къ графу, какъ настаивалъ Венцель, и такимъ образомъ я былъ спасенъ"*).

---

*) Этотъ Венцель черезъ нѣкоторое время самъ долженъ былъ выйти въ отставку вслѣдствіе душевной болѣзни.

Понятно, что Г. Г. только и мечталъ о томъ, чтобъ поскорѣй уйти отъ такой службы. Въ поискахъ за заработкомъ онъ познакомился съ директоромъ мужского пансіона, докторомъ философіи Кенигсберскаго университета Романомъ Ивановичемъ Циммерманомъ, который скоро оцѣнилъ по заслугамъ его умъ и педагогическія способности и не только поручилъ ему преподаваніе русскаго языка въ низшихъ классахъ, но и предложилъ ему поселиться при пансіонѣ*). Съ этихъ поръ и до самаго финала пансіона въ началѣ 70-хъ годовъ, — финала не совсѣмъ благополучнаго при одномъ изъ преемниковъ Циммермана, — Г. Г. составлялъ, такъ сказать, необходимую принадлежность этого учебнаго заведенія, живя при немъ и постоянно давая въ немъ уроки.

*) Въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ пансіонъ помѣщался на Моховой, противъ манежа, тамъ, гдѣ теперь гостиница „Петергофъ", занимая во дворѣ старинный барскій домъ въ три этажа, изъ которыхъ нижній былъ весь въ низкихъ и мрачныхъ сводахъ. — Въ числѣ нынѣ здравствующихъ воспитанниковъ Циммермана, учениковъ Г. Г—а, находятся слѣдующія лица: бывшій профессоръ, нынѣ академикъ Ѳ. Е. Коршъ; предсѣдатель департамента Моск. судебной палаты Ѳ. А. Брокъ; трое братьевъ Вульфертъ: А. К., проф. военно-юридической академіи въ Петербургѣ, В. К., членъ Моск. суд. палаты, и И. К., членъ Моск. окр. суда; В. М. Соболевскій, главный редакторъ „Русскихъ Вѣдомостей"; Н. П. и П. И. Вишняковы; Н. К. Голофтѣевъ и др. Ученикомъ Г. Г—а былъ и скончавшійся нѣсколько лѣтъ тому назадъ тов. предс. Моск. окр. суда В. С. Абакумовъ. Съ нѣкоторыми изъ нихъ Г. Г. состоялъ до самой своей смерти въ близкихъ или даже дружескихъ отношеніяхъ.

* * *

Выступивши на педагогическое поприще, Г. Г. скоро понялъ, что въ этомъ и заключается его настоящее призваніе, и уже не искалъ другихъ дорогъ. Сдѣланная имъ попытка искать литературныхъ работъ и сотрудничать въ „Москвитянинѣ“ Погодина успѣха не имѣла. Погодинъ давалъ ему статьи для переводовъ и извлеченій, которыя и печаталъ, а разсчитывался плохо, постоянно жалуясь на безденежье.

— Не взыщите, батюшка, — говорилъ онъ Новицкому: — не душа грѣшитъ, а мошна.

Отъ прибаутокъ сотруднику не становилось легче, и очень скоро онъ предпочелъ совсѣмъ разстаться съ такого рода занятіями, тѣмъ болѣе, что его репутація, какъ хорошаго преподавателя, быстро росла. Въ обществѣ его способности были оцѣнены по достоинству, и онъ въ теченіе 15—20 лѣтъ зарабатывалъ себѣ и на частныхъ урокахъ очень хорошія средства.

Сначала ему сильно мѣшали обязательныя занятія въ уголовной палатѣ, отнимая время. Какъ быть? И вотъ тутъ его начальство, въ лицѣ Селиванова и Ровинскаго, отнеслось къ нему съ рѣдкой гуманностью: понявши, что этотъ молодой человѣкъ способенъ дѣлать кое-что гораздо болѣе содержательное и самостоятельное, чѣмъ переписка бумагъ, они не захотѣли стать ему поперекъ дороги и сдѣлали съ своей стороны все зависящее, чтобы снять съ него тяжелую и непріятную обязанность. Ему было негласно дозволено замѣнить себя въ палатѣ наемнымъ лицомъ. Подходящій человѣкъ нашелся. Въ теченіе остававшихся 1—2 лѣтъ, вмѣсто числившагося на службѣ Г. Г-а, должность его въ палатѣ исполнялъ

одинъ русскій нѣмецъ, изъ числа надзирателей того же пансіона Циммермана. Отъ этой замѣны служба только выиграла, потому что новый подставной чиновникъ былъ куда внимательнѣе при перепискѣ бумагъ, писалъ куда красивѣе и не дѣлалъ — кляксъ, въ чемъ Г. Г. прегрѣшалъ всю жизнь при всѣхъ своихъ письменныхъ занятіяхъ.

Если заслуга Романа Ивановича Циммермана заключалась въ томъ, что онъ первый оцѣнилъ педагогическій талантъ въ молодомъ Новицкомъ и далъ ему возможность примѣнить его на дѣлѣ, то и Г. Г. съ своей стороны съ лихвой отплатилъ ему дань благодарности, исполняя должность не только учителя, но и полезнаго резерва при манкировкѣ другихъ учителей*). По какимъ только спеціальностямъ не изощрялся Г. Г. по случаю отсутствія ихъ представителей! Я на своей памяти помню, что, помимо своихъ постоянныхъ предметовъ: русскаго языка въ низшихъ классахъ и русской исторіи — въ высшихъ, онъ преподавалъ болѣе или менѣе продолжительное время всемірную исторію, географію и даже — Законъ Божій. Впослѣдствіи, когда ему напоминали послѣднее обстоятельство, онъ, смѣясь, отнѣкивался:

— Ну вотъ, что хотите, не помню!

А между тѣмъ это объяснялось очень просто: законоучитель захворалъ передъ самымъ экзаменомъ, и Циммерманъ, боясь, что ученики не приготовятся безъ надлежащаго надзора, поручилъ репетировать съ ними Г. Г—у. Такого рода замѣстительства никогда не продолжались долго. Спеціальными его предметами были, какъ уже сказано, русскій языкъ и русская исторія, и на нихъ-то выказались его педагогическія способности.

Я поступилъ въ пансіонъ въ мартѣ 1856 г., и первый мой урокъ былъ чуть ли не у Г. Г—а. Этотъ урокъ остался у меня

---

*) Г. Г. долгое время состоялъ также преподавателемъ въ извѣстномъ женскомъ учебномъ заведеніи г-жи Брокъ, которая доводилась родной сестрой супругѣ Р. И. Циммермана. Пансіонъ этотъ помѣщался въ ея собственномъ домѣ, на Сѣнной площади, гдѣ теперь Рукавишниковскій пріютъ.

навсегда въ памяти, не походя ни на что, мною до тѣхъ поръ испытанное. Меня учили дома русскому языку, заставляя писать отрывочные диктанты, взятые откуда придется, и долбить необычайно скучную грамматику Востокова; я подчинился этому, скрѣпя сердце, быть можетъ, въ силу уже тогда извѣстнаго мнѣ правила, что корень ученія долженъ быть почему-то непремѣнно горекъ. Если я и писалъ почти безъ ошибокъ, то въ этомъ менѣе всего повинна была грамматика Востокова, а тѣ случайныя книги, которыя я читалъ внѣ класса, внѣ сферы настоящаго ученія. Каково же было мое изумленіе, когда я услыхалъ, что въ классѣ читаютъ и разсказываютъ вслухъ презанимательную сказку („Рустемъ и Зорабъ“ Жуковскаго). Да неужели это ученіе? Я своимъ ушамъ не вѣрилъ. Да это не ученіе, а удовольствіе! Послѣ такого впечатлѣнія понятно, съ какой ревностью я приготовилъ урокъ, заданный этимъ удивительнымъ учителемъ, сумѣвшимъ сразу такъ захватить мое вниманіе, и съ какимъ нетерпѣніемъ я ожидалъ слѣдующаго урока. Вѣдь мнѣ предстояло узнать продолженіе той же любопытной сказки, которую я слышалъ въ прошлый разъ!

Въ этомъ первомъ впечатлѣніи сказалось обаяніе Г. Г-а, которое онъ оказывалъ на своихъ учениковъ. Вложить живую душу въ преподаваніе, найти дорогу къ чувству ученика, къ его сердцу, а не только къ одному его уму, составляло секретъ его педагогическихъ пріемовъ. Конечно, уроки его не всегда состояли изъ чтенія интересныхъ сказокъ, а также и изъ диктанта и грамматики Перевлѣсскаго, но онъ и эту сторону дѣлалъ интересной прекраснымъ выборомъ статей и обстоятельными разъясненіями и примѣрами грамматическихъ правилъ. Благодаря практиковавшейся имъ системѣ частыхъ повтореній заученное оставалось твердо въ головѣ. Но особенно памятны мнѣ его уроки по русской исторіи.

Ни въ чемъ не выражается у педагога такъ любовь къ дѣлу, какъ въ стараніи передать то, что знаетъ, простѣйшимъ, удобнѣйшимъ, лучшимъ путемъ. Въ исканіи этого пути есть уже большая заслуга. Проще всего взять учебникъ, отмѣтить:

„отсюда и до-сюда“ и этимъ удовольствоваться. Но мыслящему педагогу трудно ограничиться какой-либо одной книгой, однимъ учебникомъ, потому что ни одна чужая книга не можетъ соотвѣтствовать всѣмъ его взглядамъ.

Въ то время особенно, когда еще не совсѣмъ выдохлась память объ учебникахъ Кайданова, существовалъ ли какой-нибудь сносный учебникъ по исторіи Россіи? Сколько мнѣ извѣстно, существовалъ только одинъ такъ называемый „маленькій Устряловъ“, тощая книжечка, крайне сухо написанная и крайне скучная. Существовалъ, правда, и „большой Устряловъ“ въ 2 томахъ, въ сущности весьма не большой, но одинаково сухой и скучный, состоявшій, главнымъ образомъ, изъ перечисленія фактовъ, притомъ вездѣ съ диѳирамбической подкладкой. И вотъ Г. Г. — этотъ скромный молодой человѣкъ, даже не университетскій,—безъ всякаго шума и треска, съ легкимъ сердцемъ, предпринимаетъ мужественное дѣло: онъ пишетъ свои записки по русской исторіи, руководствуясь, главнымъ образомъ, монументальнымъ трудомъ Соловьева.

Эти записки — передо мною. Авторъ довелъ ихъ до начала Сѣверной войны (1700 г.). Это большой рукописный томъ in folio. Что̀ труда и любви къ дѣлу тутъ вложено! По нимъ я учился и, думается, выучился не только знать, но и любить исторію моей родины. Смѣло надѣюсь, что не я одинъ сохранилъ такое убѣжденіе, а что найдутся и старые мои товарищи, которые подтвердятъ это съ своей стороны.

И теперь еще, когда я открываю эти пожелтѣвшіе листы, мнѣ трудно отъ нихъ оторваться... Можетъ-быть, это зависитъ отъ воспоминаній молодости... Но мнѣ сдается, что не это одно на меня вліяетъ. Другое это то, что эти записки, представляющія въ сущности учебный курсъ школьниковъ, написаны очень содержательно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, очень интересно. Въ чемъ же интересъ? Въ томъ, что въ нихъ исторія не является повѣствованіемъ о событіяхъ, какъ бы случайно, отрывочно происшедшихъ, лишенныхъ причинной связи и необходимости, а цѣпью событій, органически связанныхъ между

собой, одно изъ другого вытекающихъ, одно другое обусловливающихъ и естественно смѣняющихъ. Это есть дѣйствительно исторія развитія государственности русскаго народа, а не повѣсть о томъ, какъ кто-то, добродѣтельный или удалой, пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ, что-то устроилъ или разорилъ.

Ученика сразу заинтересовываютъ миѳическія сказанія древнихъ географовъ и лѣтописцевъ о народахъ, населявшихъ нашу страну, о скиѳахъ и сарматахъ, потомъ — болѣе положительныя свѣдѣнія о славяцахъ и ихъ вѣрованіяхъ. Относительно пришествія варяговъ Г. Г. до послѣдняго времени держался старой норманской теоріи, хотя и зналъ новѣйшія гипотезы. Года за три еще до его смерти, мнѣ пришлось въ разговорѣ съ нимъ опять коснуться этого вопроса и спросить, какого онъ теперь держится мнѣнія.

— Есть нѣсколько воззрѣній, — отвѣчалъ онъ. — Взглядъ Иловайскаго тебѣ извѣстенъ. Другіе толкуютъ, что варяги вышли откуда-то съ южнаго берега Балтійскаго моря. По-моему, старая норманская теорія нисколько не хуже, напротивъ, ближе къ лѣтописи, а потому и проще, и естественнѣе. Кажется, этого же взгляда придерживается и большинство ученыхъ.

Послѣ обстоятельной исторіи первыхъ князей согласно лѣтописи, записки излагаютъ главнѣйшія положенія „Русской Правды“. Обыкновенно передъ экзаменами мы, школьники, начинали плакаться, что это трудный билетъ, и снисходительный учитель выпускалъ его, но цѣль была достигнута: тотъ, кто интересовался, узналъ уже, что слѣдовало ему узнать. Такъ было и со мною. Забывши отдѣльныя статьи „Правды“, я навсегда запомнилъ основное положеніе, ее проникающее: оцѣнку человѣческой жизни на деньги. Она меня съ самаго начала поразила и осталась въ памяти, какъ характерная черта первобытнаго юридическаго быта народа.

Мастерски изложенъ удѣльный періодъ съ его главными перипетіями, основанными на родовомъ началѣ. Для того, чтобъ усвоить себѣ мотивъ неурядицъ этого злосчастнаго времени, надо было знать основанія претензій князей, а для

этого знаніе генеалогіи Рюриковичей было безусловно необходимо, и Г. Г. требовалъ этого; многимъ изъ насъ ничего не стоило сказать, какого рода родство въ четвертомъ-пятомъ колѣнѣ существовало между какими-нибудь Ростиславомъ и Всеволодомъ. Этимъ достигалось то, что мы, узнавая историческую роль какого-нибудь князя, вмѣстѣ съ тѣмъ узнавали и одно важное для современниковъ основаніе, почему роль князя слагалась такъ, а не иначе, оставляя въ сторонѣ, разумѣется, вопросъ о личной энергіи и даровитости.

Кто изъ учениковъ Г. Г—а не помнитъ знаменитаго афоризма, съ котораго начиналась у него исторія монгольскаго періода: Великіе результаты въ жизни народовъ всегда и вездѣ достигаются цѣною тяжкихъ страданій.

Нерѣдко упоминалась эта фраза впослѣдствіи въ дружескихъ бесѣдахъ. Надъ почтеннымъ Г. Г—мъ слегка иронизировали. Иронія относилась не столько къ существу этой фразы, вполнѣ невинной, сколько къ формѣ. Г. Г. по складу своего ума былъ врагъ всякой риторики и высокопарности, всякихъ вѣщаній и перемпторныхъ утвержденій; зная это, его хотѣли уличить въ противорѣчіи. Онъ добродушно морщился и старался выгородиться:

— Ну, что же! можетъ-быть, въ настоящее время я выразился бы иначе, а въ то время мнѣ казалось, что эта мысль правильно опредѣляетъ отношеніе всего монгольскаго періода къ исторіи Россіи.

Излагая, какъ органически послѣдовательно шло развитіе Московскаго государства, Г. Г. заставлялъ насъ прослѣдить шагъ за шагомъ выдержанную политику московскихъ князей, скопидомныхъ практиковъ, настоящихъ „реальныхъ политиковъ“ своего времени. Выяснено было достаточно и значеніе византійщины. Характеръ Ивана Грознаго былъ развитъ съ такой подробностью, къ которой впослѣдствіи мало что могло прибавиться. А эпоха Годунова, Смутное время, наша вѣковая борьба съ Польшей, присоединеніе Малороссіи и, наконецъ, величавая фигура Петра, нашего любимца? Нуженъ былъ на-

стоящій талантъ, чтобы все это изложить интересно въ формѣ учебника, не вдаваясь въ излишнія подробности.

Записки останавливаются на началѣ войны съ Карломъ XII. Дальнѣйшее составленіе ихъ сдѣлалось излишнимъ вслѣдствіе появленія учебника по русской исторіи самого С. М. Соловьева.

Мнѣ хочется прибавить, что когда мнѣ пришлось впослѣдствіи познакомиться съ лекціями проф. Ключевскаго, мнѣ казалось, что я узналъ въ нихъ только болѣе подробное развитіе тѣхъ же самыхъ началъ, которыя заложены были въ запискахъ моего стараго учителя, и съ благодарностью вспомнилъ старые годы.

Припоминая это далекое прошлое и моихъ товарищей, изъ которыхъ многихъ уже нѣтъ въ живыхъ, я, кажется, могу сказать, что всѣ мы, способные и неспособные, ретивые и лѣнивые, стыдились не заниматься у Новицкаго. Ни къ какимъ карамъ онъ не прибѣгалъ и даже въ низшихъ классахъ не любилъ ставить дурныя отмѣтки, которыя могли бы имѣть непріятныя послѣдствія для учащагося. Покричать-то, положимъ, онъ былъ не прочь, когда его выводили изъ терпѣнія. Но чѣмъ старше мы становились, тѣмъ болѣе мы чувствовали, что стыдно не учиться, не готовить уроки этому учителю, который такое душевное стараніе прилагалъ, чтобъ мы что-нибудь знали.

Эта сердечность нашла себѣ еще выраженіе и въ другомъ.

Имѣя отдѣльную комнату при пансіонѣ, Г. Г. весьма рано началъ собирать библіотеку по излюбленнымъ предметамъ: русской и иностранной литературѣ, русской и всемірной исторіи. Хорошая доля зарабатываемыхъ имъ денегъ всегда шла на пріобрѣтеніе книгъ, иногда довольно цѣнныхъ. Библіотечка эта, навѣрное, осталась въ памяти у многихъ, потому что находилась всегда къ услугамъ учениковъ, желавшихъ заниматься самостоятельно. Эта любезность владѣльца была особенно цѣнна для постоянно живущихъ учениковъ, которымъ стоило во всякое время только добѣжать до комнаты Г. Г—а, чтобы получить нужное имъ сочиненіе. Съ его стороны отказу никогда не было; напротивъ, одолжить кого-нибудь всегда

доставляло ему искреннее удовольствіе. Помню, какъ мнѣ приходилось похаживать къ нему за справками въ нѣмецкій энциклопедическій лексиконъ Брокгауза и въ Исторію Русскаго государства Германа. Мнѣ думается, многіе изъ его учениковъ, кому попадутся на глаза эти строки, припомнятъ, насколько они обязаны своимъ умственнымъ развитіемъ этой маленькой библіотечкѣ бѣднаго учителя.

* * *

Въ 1862 г. я поступилъ въ университетъ. Мы однако продолжали видаться съ Новицкимъ довольно часто и, благодаря общимъ друзьямъ и знакомымъ, сблизились понемногу, какъ добрые пріятели. Эти отношенія уцѣлѣли на всю жизнь, несмотря на опредѣлившуюся съ годами разницу въ нашихъ взглядахъ. Въ задачу мою не можетъ входить критика воззрѣній Г. Г—а, а лишь возможно безпристрастное и объективное ихъ изложеніе, а потому я ограничусь замѣчаніемъ, что разница эта постепенно возникла потому, что мнѣ, къ моему глубокому сожалѣнію, не удалось сохранить того идеалистическаго отношенія къ жизни, которое характеризовало Г. Г—а.

Г. Г. былъ — человѣкъ, а, слѣдовательно, nihil humani не могло миновать и его. У него были свои достоинства, были и недостатки; важно лишь то, что положительныя его качества значительно перевѣшивали отрицательныя. Первой добродѣтелью его было то, что всѣ его мысли шли изъ чистаго источника: онъ дѣйствительно думалъ то, что говорилъ, и, я думаю, никому изъ всѣхъ людей, когда-либо имѣвшихъ съ нимъ дѣло,

не могло прійти и въ голову, чтобъ онъ когда-нибудь могъ говорить не то, что у него на душѣ, а ломалъ бы комедію. Эта искренность была уже сама по себѣ огромнымъ достоинствомъ. Затѣмъ въ глубинѣ души его лежало неизсякаемое стремленіе къ правдѣ и отвращеніе отъ всякой лжи и неправды, какими бы красивыми онѣ ни представлялись, какой бы мишурой ихъ ни окружали. Эта способность — способность возмущаться — была другимъ его достоинствомъ. Гдѣ искать и находить объекты для возмущенія, указывали ему его ясный умъ, высоко развитое нравственное чувство, сильно развитой общественный инстинктъ и основательное знаніе исторіи. При этомъ онъ обладалъ несомнѣннымъ даромъ слова, способностью излагать свои мысли убѣдительно и остроумно. Всякая пошлость встрѣчала въ немъ сдержаннаго, но неумолимаго противника. Въ спорахъ онъ проявлялъ недюжинныя діалектическія способности. Чувствуя себя между своими, онъ горячо и даже запальчиво отстаивалъ свои убѣжденія, не щадя своихъ оппонентовъ. Въ такихъ случаяхъ его природное остроуміе, обыкновенно добродушное и безобидное, принимало подчасъ формы горькаго юмора и ѣдкаго сарказма. Онъ умѣлъ, когда надо, очень чувствительно кольнуть противника, не прибѣгая къ грубымъ выходкамъ или личнымъ нападкамъ. Друзьямъ его надолго останутся памятны пренія его съ однимъ изъ бывшихъ его товарищей по институту, въ сущности прекраснымъ и добрымъ человѣкомъ, но проникнутымъ насквозь идеями фальшиваго патріотизма и архаическимъ представленіемъ о роли власти. Г. Г. умѣлъ очень мѣтко указать на тенденціозность, человѣконенавистничество, корысть и узкіе партійные интересы, таящіеся иногда подъ личиной громкихъ фразъ и воплей о „потрясеніи основъ“...

Вотъ почему въ кругу близкихъ людей его любили, какъ прекраснаго собесѣдника, вносившаго въ бесѣду оживляющее и благородное начало. Онъ не могъ не оказывать на своихъ слушателей благотворнаго и цѣннаго вліянія, хотя бы одними своими историческими аргументами, забытыми со стороны однихъ, неизвѣстными для другихъ...

Но все это относится къ человѣку идеи. Намъ придется еще вернуться къ этому. Надобно сперва сказать, какимъ Новицкій былъ въ обыденной жизни.

* * *

Г. Г. былъ небольшого роста, но плотнаго сложенія, съ замѣтной наклонностью къ брюшку. Красивымъ онъ не могъ никогда назваться. При темно-русыхъ на головѣ волосахъ у него была рыжая борода, широкій носъ и маленькіе сѣрые близорукіе глаза за очками. Но у него былъ отличный цвѣтъ лица и прекрасный лобъ, пропорціонально широкій и высокій, съ сильно развитыми лобными пазухами, свидѣтельствовавшій объ умѣ. Онъ всю жизнь пользовался отличнымъ здоровьемъ и не пережилъ никакой продолжительной или опасной болѣзни, кромѣ той старческой гангрены большого пальца правой ноги, которая его свела въ могилу.

Онъ отличался сильной близорукостью, а потому снималъ очки только для чтенія вблизи. Другимъ недостаткомъ его была необыкновенная разсѣянность. Онъ безпрестанно забывалъ или перепутывалъ имена даже близкихъ знакомыхъ и ихъ семейныя положенія: напр. отца называлъ именемъ сына, дочь — именемъ матери и т. п. Объ этомъ ходила масса забавныхъ анекдотовъ, изъ которыхъ я разскажу только два, которыхъ подлинность имъ самимъ была удостовѣрена.

Встрѣчаетъ онъ однажды на улицѣ давнишняго своего знакомаго, архитектора О—а, стараго холостяка, съ которымъ онъ видѣлся всего за нѣсколько дней передъ этимъ. Послѣ первыхъ привѣтствій Г. Г. спрашиваетъ съ участіемъ:

— А какъ здоровье вашей супруги?

— Благодарю васъ, — отвѣчаетъ съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ О—ъ.

— Ну, а дѣтки? продолжаетъ Г. Г.

— Благодарю васъ. Впрочемъ... я долженъ заявить вамъ, что я не женатъ.

Въ другой разъ при встрѣчѣ съ однимъ изъ лучшихъ своихъ друзей Ѳ. А. Б., онъ обратился къ нему съ привѣтствіемъ:

— Здравствуйте, Григорій Григорьевичъ!

Такъ-таки и поздоровался съ нимъ, какъ будто бы это былъ его двойникъ.

Замѣчательно, что на урокахъ и при интересовавшей его бесѣдѣ онъ никогда не проявлялъ разсѣянности, а былъ, напротивъ, очень внимателенъ. Отсутствіе памяти, невнимательность и разсѣянность выступали у него только внѣ дѣловой сферы по отношенію къ внѣшнему міру. Черта эта была такъ рѣзко выражена, что могла прямо считаться за органическій недостатокъ, который можно было назвать естественнымъ равнодушіемъ ко всей природѣ, за исключеніемъ одной сферы, имѣвшей для него исключительный и спеціальный интересъ: человѣка, какъ члена общества.

Небре́жность въ его туалетѣ была всѣмъ извѣстна. Случалось, что онъ приходилъ на урокъ безъ галстука. Нельзя счесть, сколько платковъ, зонтиковъ и паръ перчатокъ онъ посѣялъ въ своей жизни. Память мѣстности была у него особенно слабо развита: онъ могъ заблудиться въ предѣлахъ небольшого парка, знакомаго ему нѣсколько лѣтъ. До конца жизни онъ нетвердо отличалъ сосну отъ ели, дубъ отъ березы. Міръ животныхъ и цвѣтовъ былъ ему совершенно чуждъ и совершенно неинтересенъ. Всѣ великія открытія естественныхъ наукъ и пріобрѣтенія техники не вызывали въ немъ ни удивленія, ни восторга. Это казалось иногда похожимъ на какое-то умышленное parti pris, хотя на самомъ дѣлѣ имъ не было.

Безпомощность и отсутствіе самыхъ элементарныхъ практическихъ свѣдѣній были въ немъ иногда изумительны. Когда

при какой-то легкой простудѣ ему посовѣтывали измѣрять себѣ температуру, онъ осторожно выспрашивалъ пріятеля:

— А скажи, пожалуйста, градусникъ вставляется которымъ... концомъ?

Вѣроятно, въ связи съ этимъ находилось и то, что онъ чуждался всякаго физическаго усилія, хотя бы ради услуги самому себѣ. Онъ не то, чтобы презиралъ физическій трудъ: теоретически онъ считалъ его очень почтеннымъ, но у него къ нему совсѣмъ не лежало сердце. Ко всякимъ занятіямъ подобнаго рода, которыя онъ называлъ „механическими", онъ относился нѣсколько свысока, можетъ-быть, помимо своей воли. Мнѣ никогда не случалось встрѣчать человѣка, болѣе его избѣгавшаго всякаго мускульнаго напряженія, которое, очевидно, было ему антипатично по существу. Припоминая почти полвѣка нашихъ отношеній, я отказываюсь указать какую-либо форму физической работы, къ которой онъ проявлялъ бы, ужъ не говорю склонность, а участіе — кромѣ прогулки, развѣ. Гулять, особенно въ компаніи, онъ любилъ, и еще года за четыре до кончины могъ ходить верстъ до десяти, не жалуясь на усталость. Любилъ онъ еще, гуляя по рощѣ, сшибать палкой сухія вѣтки. Но при этомъ нужно было, чтобы вѣтки были мелкія и хрупкія и помѣщались на деревьяхъ низко, чтобы уступать сразу взмаху его трости, поднимаемой почти безъ всякой силы. Нагнуться, чтобы откинуть съ дорожки упавшій небольшой сукъ, мѣшающій пройти, уже казалось ему тягостнымъ.

Чуждаясь физическаго труда, онъ не могъ и понять, какъ могутъ другіе, безъ настоятельной нужды, любить такой трудъ. Когда при немъ завязывался разговоръ о чемъ-нибудь подобномъ, онъ не слушалъ и, видимо, скучалъ.

„Я слишкомъ слабъ, чтобы любить физическія упражненія", говаривалъ онъ, какъ бы въ извиненіе себѣ.

Было ли это вполнѣ справедливо? Могъ ли назваться физически слабымъ человѣкъ, который могъ ходить по десятку верстъ и давать 7—8 уроковъ въ день?

Съ годами у Г. Г—а развилась сильная мнительность, которой, казалось, противорѣчило большое недовѣріе къ врачеб-

ному искусству. Онъ обладалъ однако такимъ вожделѣннымъ здравіемъ въ теченіе своей жизни, что конфликта между этими противоположными чувствами долго не нужно было опасаться. Всѣхъ безъ исключенія лѣкарствъ, какъ наружныхъ, такъ и внутреннихъ, онъ боялся. Никакими убѣжденіями нельзя было подѣйствовать на него, чтобъ онъ принялъ самое безобидное средство внутрь безъ крайней нужды. Зато мятнымъ лепешкамъ приписывалась чуть не магическая сила во всѣхъ болѣзняхъ. Лѣтомъ при испаринѣ онъ испытывалъ какой-то страхъ, а между тѣмъ кутался зря, слѣпо довѣряя наружному градуснику и совсѣмъ не довѣряя самочувствію, при чемъ ходьба не различалась имъ отъ неподвижнаго стоянія на воздухѣ. Однажды подшутили надъ нимъ: въ жаркій іюльскій день шарикъ термометра былъ обвитъ ватой и политъ эѳиромъ, вслѣдствіе чего, конечно, ртуть сильно опустилась.

— Ты не замѣчаешь, что становится свѣжо? спросили его.

— Да нѣтъ, мнѣ жарко.

— Странно, а намъ кажется, что, несмотря на солнце, температура сильно понизилась.

Г. Г. отправляется глядѣть на градусникъ, къ недоумѣнію своему находитъ тамъ низкую температуру (гдѣ жъ ему замѣтить такіе пустяки, какъ ватка!), и немедленно бѣжитъ облекаться въ пальто.

Случались и другіе комическіе эпизоды.

Однажды къ нему явился съ визитомъ молодой врачъ С., съ которымъ онъ недавно познакомился за винтомъ. Въ этотъ день Г. Г. сидѣлъ дома изъ-за легкой простуды. Врачъ любезно предложилъ ему осмотрѣть его и прописалъ какое-то лѣкарство внутрь. А именно этихъ-то внутреннихъ средствъ Г. Г. и боялся пуще огня! Онъ счелъ своей обязанностью выписать его изъ аптеки, но принимать не сталъ, да и нужда въ немъ скоро миновала: на слѣдующій же день онъ почувствовалъ себя лучше безъ всякаго лѣченія. Чрезъ нѣсколько дней они снова встрѣтились. С. спросилъ его:

— Ну какъ вамъ помогло мое лѣкарство?

— Прекрасно, благодарю васъ, — отвѣчалъ, заминаясь, Г. Г.

— Ахъ, какъ я радъ! сказалъ врачъ. — Знаете, это было совсѣмъ новое средство, и мнѣ крайне пріятно узнать, что оно помогаетъ въ такихъ случаяхъ.

Г. Г. потомъ каялся передъ близкими:

— Что дѣлать! погрѣшилъ, солгалъ! стыдно было сознаться, что не принималъ лѣкарства. Да и онъ-то хорошъ! Вздумалъ надо мною опыты дѣлать!! Вотъ и довѣряйся докторамъ!

* * *

Я сообщилъ мелкія подробности изъ жизни Г. Г—а, чтобы показать, что это былъ человѣкъ очень своеобразный. Такихъ людей называютъ иногда книжными. Онъ самъ это хорошо сознавалъ и называлъ свое развитіе одностороннимъ. Односторонность сводилась къ тому, что онъ знать не хотѣлъ мелочей жизни. Обыденное, будничное существованіе частнаго человѣка съ его мелкими нуждами, хлопотами и заботами, которымъ противополагается такъ называемая практичность, не представляла для него ни малѣйшаго интереса наравнѣ съ проявленіями мелкихъ страстей: онъ не понималъ стремленія къ наживѣ, къ внѣшнимъ знакамъ отличія, къ карьерѣ. Практичность въ его глазахъ гроша мѣднаго не стоила. Все это — суета суетъ. Онъ могъ вѣжливо выслушивать чужія признанія, надежды и жалобы, касающіяся этой сферы, но немного нужно было имѣть проницательности, чтобъ видѣть, что онъ слушаетъ лишь однимъ ухомъ, а ни малѣйшаго участія душевнаго не принимаетъ. Притомъ его никакъ нельзя было обвинить въ безчувственности. Но обыкновенно люди, узнавая

какое-нибудь даже мелкое радостное или непріятное событіе въ частной жизни близкихъ лицъ, чрезвычайно интересуются подробностями; его же никакой фактъ не интересовалъ самъ по себѣ, а лишь по отношенію къ психическому міру близкихъ людей. Для него важно было лишь то, что близкіе радуются или страдаютъ, онъ съ ними готовъ былъ радоваться или печалиться, а самое происшествіе оставляло его равнодушнымъ. Вотъ почему, разсказывая такого рода эпизоды, онъ очень легко путался въ деталяхъ и передавалъ ихъ невсегда точно. Все это были — мелочи. Настоящее крупное, важное, дѣйствительно заслуживающее вниманія, находилось для него лишь въ мірѣ соціальной и политической жизни людей, въ томъ мірѣ, съ изученіемъ котораго стоитъ въ связи судьба и благополучіе массъ, обществъ и государствъ.

И онъ никогда не жалѣлъ о своей односторонности, — по крайней мѣрѣ, ни въ чемъ не выражалось, чтобъ онъ объ этомъ сѣтовалъ. А поэтому можно сказать, что онъ представлялъ собою хорошій образецъ цѣльной натуры. Въ немъ не было и признака того внутренняго раздвоенія, того гамлетства, какимъ страдаютъ многіе изъ интеллигентныхъ людей. Въ глубинѣ его сознанія, очевидно, лежало убѣжденіе, что того содержанія, какое вложили въ него природа и воспитаніе, и той роли, какую заставила его играть жизнь, за глаза довольно одному человѣку. Онъ готовъ былъ признаться въ этомъ съ полнымъ чувствомъ собственнаго достоинства.

Такимъ образомъ можно сказать: руководящимъ началомъ его взглядовъ была соціальная идея. Все, что его интересовало, имѣло отношеніе къ тому, что прямо или косвенно имѣетъ слѣдствіемъ увеличенія благосостоянія человѣчества, въ смыслѣ расширенія круга лицъ, пользующихся благами міра сего. Отсюда его сочувствіе къ слабымъ, притѣсненнымъ, униженнымъ и оскорбленнымъ. Это у него было въ родѣ инстинкта. Если кто-нибудь страдалъ, онъ не могъ отказать въ сочувствіи. Нужды нѣтъ, что въ страданіи была справедливость, неизбѣжность или необходимость — онъ жалѣлъ того

кто страдаетъ. Если ему замѣчали, что нельзя сочувствовать закоренѣлому негодяю или злодѣю, несущему заслуженную кару, онъ оправдывался:

„Знаю, что не надо, а все-таки жалко — по человѣчеству!"

„Я жалѣю слабыхъ, — говаривалъ онъ, — потому что самъ всегда былъ слабый и нерѣдко зависѣлъ отъ каприза сильныхъ".

Въ разговорѣ онъ любилъ приводить слова Шиллера:

Der Mensch ist frei geschaffen, ist frei,
Und würd' er in Ketten geboren.

Могучимъ рычагомъ прогресса признавалъ онъ принципъ ассоціаціи и коопераціи, сложенія слабыхъ силъ, соединенныхъ взаимнымъ интересомъ, и слѣдилъ съ большимъ вниманіемъ за положеніемъ рабочаго вопроса у насъ и за границей.

„Положеніе рабочаго класса,— говорилъ онъ,— не можетъ не затрогивать меня, потому что я самъ всю жизнь былъ рабочимъ".

Когда ему указывали, что въ экономической сферѣ сильная воля одного хозяина почти безусловно необходима для процвѣтанія предпріятія, и что ассоціаціи не разъ распадались изъ-за недостатка руководительства и дисциплины, онъ отвѣчалъ съ жаромъ:

„А, по-моему, никакого значенія эти примѣры не имѣютъ. Пусть три-четыре-десятокъ опытовъ не удались. Нужно пробовать еще и еще, можетъ-быть сотни разъ, не унывая. Ни одна новая общественная форма не можетъ развиться сразу".

Въ силу того же начала онъ являлся принципіальнымъ врагомъ всякаго насилія и произвола, съ какой бы стороны они ни исходили, всякихъ привилегій, исключительныхъ положеній и кумовства, и убѣжденнымъ поборникомъ началъ разумной свободы и правомѣрности въ органическомъ развитіи обществъ.

Съ весьма опредѣленнымъ недовѣріемъ относился онъ къ банкамъ, банкирамъ и биржѣ вообще. Ему приходилось вступать по этому поводу въ большія пренія.

„Эпоха наша,— говорили ему,— нуждается въ большихъ капиталахъ для осуществленія крупныхъ предпріятій, имѣющихъ цѣлью общую пользу, а это достигается путемъ кредита. Кредитъ

необходимъ одинаково и для нуждъ торговли, ремеслъ, земледѣлія и мелкой промышленности".

Въ отвѣтъ онъ твердилъ настойчиво:

„Весьма возможно, что такъ оно должно бы быть на дѣлѣ, но въ дѣйствительности что-то не видно, чтобъ такъ было. Теперь все такъ поставлено, чтобъ работать только на руку крупному капитализму".

Послѣ этого, понятно, съ какимъ негодованіемъ онъ относился къ современнымъ головокружительнымъ „трестамъ" американскихъ милліардеровъ!

Сочувствуя вообще демократіи и вѣруя въ ея будущность, Г. Г. однако сознавалъ ясно, что масса его современниковъ, а въ томъ числѣ и онъ самъ, воспитывавшійся и выросшій, хотя и косвенно, на почвѣ дарового крѣпостническаго труда, мало подготовлена къ демократическому строю. Когда ему указывали, что демократическое общество Сѣверной Америки требуетъ отъ своихъ членовъ оборотливости, практичности, способности къ физическому труду, вообще self-help, онъ восклицалъ смѣясь:

„О я знаю, я бы тамъ пропалъ!"

Принимала ли однако соціальная идея въ его представленіи какія-нибудь строго опредѣленныя конкретныя формы, напримѣръ, по отношенію къ его собственной родинѣ? Едва ли. Основное его воззрѣніе не шло дальше извѣстнаго положенія, на которое онъ любилъ ссылаться: chaque peuple a le gouvernement qu'il mérite. Проявляясь лишь въ искреннемъ и горячемъ пожеланіи осуществленія извѣстныхъ общихъ положеній, которыя казались ему справедливыми и полезными, идея общаго блага едва ли влагалась въ его представленіи въ рамки какой-нибудь программы. Оно и понятно почему. Его убѣжденія покоились немного на мечтательной, немного на доктринерской подкладкѣ, въ несомнѣнной связи съ вѣяніями сороковыхъ годовъ, эпохи институтскихъ впечатлѣній, и имѣли подъ собой мало реальной почвы. Онъ былъ слишкомъ равнодушенъ къ практикѣ жизни, чтобъ подводить подъ ея условія свои убѣжденія. По общему характеру взглядовъ Г. Г—а слѣдовало,

конечно, назвать человѣкомъ съ либеральнымъ образомъ мыслей, хотя либерализмъ его былъ, во всякомъ случаѣ, очень умѣренный. Я склоненъ даже думать, что онъ былъ гораздо менѣе либераленъ, чѣмъ самъ думалъ о себѣ. Ужъ, конечно, ничего радикальнаго въ его воззрѣніяхъ не могло быть по той причинѣ, что онъ былъ принципіальнымъ врагомъ всякаго насилія. Признавая желательность и необходимость реформъ, онъ нерѣдко твердилъ, что ни одна реформа не можетъ быть крутой и насильственной для того, чтобъ стать долговѣчной, и что всякая реформа должна опираться на „хорошихъ людей" больше, чѣмъ на параграфы какого бы то ни было превосходно обдуманнаго устава.

„No institutions, but men!" повторялъ онъ охотно при случаѣ слова одного изъ парламентскихъ ораторовъ Англіи.

Въ связи съ такимъ взглядомъ находилось и его отношеніе къ политическому устройству передовыхъ государствъ Европы: Англіи, Германіи и Франціи. Онъ имъ очень интересовался, зналъ хорошо его исторію и слѣдилъ за нимъ внимательно по любимой своей газетѣ: Augsburger (впослѣдствіи: Münchener) Allgemeine Zeitung, которую самъ выписывалъ долгое время. Онъ разсказывалъ, что познакомился съ нею тотчасъ по выходѣ изъ института въ кондитерской Педотти, гдѣ получались иностранныя газеты, и нарочно ходилъ туда для ея чтенія. Иногда въ пріятельскомъ кружкѣ мы шутливо экзаменовали его:

„А скажи-ка, кто былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ во Франціи въ 18.. году?"

Онъ припоминалъ, рѣдко ошибаясь, и называлъ не только требуемаго министра, но и главныхъ его товарищей, при чемъ тотчасъ указывалъ и на ту или другую мѣру, тотъ или другой законъ, которые были приняты во время нахожденія этихъ лицъ у власти. Эти историческія бесѣды были очень поучительны для насъ, многое перезабывшихъ со школьной скамьи. Г. Г. передавалъ съ увлеченіемъ выдающіеся моменты парламентской исторіи, и его радостью было найти въ ней какой-нибудь утѣшительный фактъ или указать на какую-нибудь

общеполезную мѣру, принятую представителями націи. Относясь сочувственно къ конституціонному образу правленія, онъ былъ однако далекъ отъ мысли считать его панацеей противъ всѣхъ золъ и полагалъ, что только при наличности „хорошихъ“ людей народное представительство можетъ приносить тѣ плоды, которые отъ него въ правѣ ожидать человѣчество. Онъ готовъ былъ даже допустить дискреціонное вмѣшательство исполнительной власти въ такихъ случаяхъ, въ которыхъ, по общепринятымъ въ Европѣ порядкамъ, этого не полагается. Нечего и говорить, что главный его интересъ сосредоточивался всетаки на современной исторіи его собственнаго отечества. Такъ, напр., онъ съ большимъ любопытствомъ слѣдилъ за дѣятельностью гг. земскихъ начальниковъ, насколько свѣдѣнія объ ней проникали въ печать.

Но каковы же должны быть тѣ, кому суждено вести человѣчество дѣйствительно впередъ, къ лучшему будущему, „хорошіе“ люди? Это, по его мнѣнію, прежде всего люди съ сердцемъ, ужъ, конечно, не формалисты и не бюрократы.

„Я думаю,—говорилъ онъ,—что сумма человѣческаго счастія зависитъ отъ суммы любви людей къ себѣ подобнымъ. Покамѣстъ люди такіе узкіе эгоисты, какими они себя до сихъ поръ проявляютъ, трудно ожидать поворота къ лучшему“.

„Но быть добрымъ и любить не всегда въ волѣ человѣка, — возражали ему. — Правильнѣе желать, чтобы люди старались быть прежде всего справедливыми во взаимныхъ отношеніяхъ“.

Онъ стоялъ на своемъ:

„И справедливость безъ доброты далеко не всегда будетъ настоящей справедливостью. Съ одной-то справедливостью, пожалуй, доживешь и до правила: summum jus — summa injuria“.

Его любимой идеей было, что всевозможнымъ столкновеніямъ въ экономической сферѣ всегда можетъ быть положенъ конецъ путемъ компромисса. Вообще онъ придавалъ компромиссу первенствующее значеніе и при сглаживаніи крайностей между требованіями противоположныхъ историческихъ принциповъ, при чемъ охотно ссылался на различные эпизоды изъ исторіи парламентаризма въ Англіи. Онъ говорилъ:

„Кто умѣетъ во-время, когда въ томъ назрѣла потребность, поступиться частью своихъ правъ, тотъ этимъ самымъ прочнѣе закрѣпляетъ за собою пользованіе всѣми остальными правами. Это должно бы считаться исторической аксіомой“.

Ничѣмъ нельзя его было такъ вывести изъ себя, какъ упомянувши слова Спинозы: „Всякій имѣетъ лишь настолько права, насколько имѣетъ силы“ или тотъ же афоризмъ въ бисмарковской редакціи: Macht geht vor Recht.

„Если такъ, — восклицалъ онъ, горячась по своему обыкновенію, — то не о чемъ и разговаривать! Весь вопросъ въ томъ, когда мнѣ удобно схватить сосѣда за горло, или когда это удобно сдѣлать сосѣду относительно меня. Вѣчная борьба! Не на что жаловаться падшему и побѣжденному! Vae victis! и баста. Только къ чему это можетъ привести, кромѣ загрубѣнія сознанія и нравовъ? Никогда никакая культура на такихъ положеніяхъ не основывалась и не будетъ основываться. Значитъ впереди — вообще одичаніе. Никогда не повѣрю, чтобъ таковъ былъ смыслъ историческаго процесса!

Однажды въ разговорѣ оппонентъ сказалъ ему:

„Задачи правительства не могутъ сводиться къ проповѣди морали. Еще Тьеръ сказалъ: les gouvernements ne sont pas là pour moraliser, mais bien pour gouverner“.

На это онъ — съ большой живостью:

„Хорошо же, должно-быть, было представленіе у г. Тьера объ истинныхъ задачахъ просвѣщеннаго правительства, если онъ устанавливалъ такой фельдфебельскій принципъ!“

Аристократическое презрѣніе Ницше къ толпѣ вызывало съ его стороны рѣзкое порицаніе.

„Толпа, — говорилъ онъ, — не виновата сама, что у нея инстинкты грубые и невѣжественные, а виноваты въ этомъ, главнымъ образомъ, именно тѣ, кто ее презираетъ“.

Признавая большую важность экономическихъ факторовъ при разъясненіи историческихъ явленій, Г. Г. относился однако отрицательно къ той школѣ, которая стремится сводить всѣ историческіе процессы къ высотѣ заработной платы или количеству урожая. Онъ былъ убѣжденъ, что исторія создается

не одной матеріальной обстановкой, но и духовнымъ складомъ народовъ, который зависитъ отъ очень многихъ сложныхъ причинъ. Такъ же несочувственно относился онъ къ приниженію значенія личности въ исторіи и очень рѣшительно высказывался за то, что безъ энергическаго воздѣйствія личностей на общество едва ли возможенъ самый прогрессъ. А въ прогрессъ онъ вѣрилъ со всѣмъ идеализмомъ человѣка 40-хъ годовъ. Случалось, что въ спорахъ его прижимали къ стѣнѣ массой пессимистическихъ фактовъ и выводовъ, взятыхъ изъ современной жизни... Онъ поникалъ головой и твердилъ, какъ бы въ отчаяньи:

„Ну, все это вѣрно!... очень прискорбно, позорно! Что жъ дѣлать?“

А потомъ подниметъ голову, сверкнетъ очками и, повысивъ голосъ, продолжаетъ:

„А все-таки вы меня никогда не убѣдите, что теперь маленькому человѣку живется хуже, чѣмъ въ тѣ времена, когда можно было Ивана и Катерину, которые другъ друга терпѣть не могли, заставить пожениться на томъ только основаніи, что на то есть барская воля, — когда тѣхъ же Ивана и Катерину на томъ же основаніи можно было оторвать отъ семьи, услать Богъ знаетъ куда или запороть, — когда солдатъ засѣкали сплошь и рядомъ шпицрутенами до смерти, или когда преступникамъ рвали ноздри всенародно!“

Въ увѣренности, что человѣчество не напрасно борется и умираетъ за эфемерные интересы, — продуктъ каприза или случайности, — а медленно и неуклонно движется къ лучшему будущему, состояла его твердая вѣра, которую ничѣмъ нельзя было поколебать. Въ этомъ была его настоящая религія.

* * *

Къ своему семейству Г. Г. всегда проявлялъ сердечное, истинно родственное расположеніе.

Сестра его, Екатерина Григорьевна, провела большую часть жизни въ Смоленской губ., въ семьѣ помѣщика Жегалова, съ супругой котораго ее съ дѣтства связывала тѣсная дружба, и только по кончинѣ ея переселилась въ Москву къ Г. Г—у. Съ нимъ она и провела послѣднія 15—20 лѣтъ его жизни. Братья, каждый въ своемъ родѣ, очень даровитые, не сумѣли однако сносно устроить свою жизнь. Александръ Григорьевичъ, образованный человѣкъ и хорошій знатокъ языковъ, служилъ въ военной службѣ, которую оставилъ въ чинѣ майора вслѣдствіе какихъ-то непріятностей съ начальствомъ. Николай Григорьевичъ обладалъ музыкальностью, рисовалъ отлично карикатуры и сотрудничалъ въ сатирическихъ журналахъ, но должности занималъ лишь незначительныя въ учебныхъ заведеніяхъ и частныхъ домахъ. Поучительно провести параллель между тремя братьями: если Григорія сближали съ Александромъ общія лингвистическія способности, то съ Николаемъ онъ составлялъ полнѣйшій контрастъ: тогда какъ Николай проявлялъ большую художественную наблюдательность, у Григорія не было къ рисованію никакой способности. Обоимъ старшимъ братьямъ не везло, и Г. Г. принималъ въ судьбѣ ихъ и словомъ и дѣломъ самое живое участіе, до самой ихъ смерти, послѣдовавшей лѣтъ за 20 до его собственной.

И въ отношеніяхъ къ ближнимъ вообще у Г. Г—а были рѣдкостныя достоинства. Во всякомъ, даже случайно встрѣченномъ человѣкѣ онъ склоненъ былъ прежде всего видѣть

свѣтлыя стороны — черта, что ни говори, очень рѣдкая. Стоило кому-нибудь сказать ему нѣсколько вѣжливыхъ словъ, чтобъ Г. Г. сталъ выражать объ немъ самое лестное мнѣніе.

„Я встрѣтилъ NN. Вообрази, я никакъ не ожидалъ съ его стороны такого расположенія! Съ какимъ участіемъ и сердечностью онъ ко мнѣ отнесся, а между тѣмъ я его видѣлъ только одинъ разъ въ моей жизни лѣтъ пять тому назадъ. Превосходнѣйшій человѣкъ!“

Конечно, ему приходилось иногда разочаровываться и брать назадъ скороспѣлыя сужденія. Но это не измѣняло его взглядовъ въ будущемъ, и такая же исторія могла повториться относительно другого лица на слѣдующій же день.

Еще болѣе цѣннымъ было другое качество. Онъ могъ чрезвычайно сильно привязываться къ людямъ, умѣлъ любить, и тогда дѣлался беззавѣтно преданнымъ другомъ, на расположеніе котораго можно было положиться. Разъ привязавшись, онъ обладалъ счастливымъ свойствомъ не видѣть недостатковъ любимыхъ людей. При случаѣ онъ выступалъ ихъ страстнымъ и убѣжденнымъ защитникомъ, хотя бы — самъ этого не замѣчая — и въ ущербъ безпристрастію. Это была, во всякомъ случаѣ, симпатичная черта.

Будучи человѣкомъ общественнымъ по преимуществу, онъ не могъ обходиться безъ общества, которое было ему необходимо, какъ воздухъ, для дѣла и для бездѣлья. Онъ вообще не понималъ и не терпѣлъ одиночества. Просидѣть вечеръ у себя дома одному было для него настоящей казнью египетской. Я думаю, въ одиночномъ заключеніи онъ очень скоро сошелъ бы съ ума.

Однажды былъ такой случай. Послѣ обѣда у одного изъ близкихъ людей, сидя одинъ въ кабинетѣ у хозяина, онъ вдругъ почувствовалъ себя несовсѣмъ хорошо — мимолетная дурнота, происшедшая отъ выкуренной имъ крѣпкой сигары. Какъ пуля выскочилъ онъ въ сосѣднюю комнату и бросился на первую попавшуюся постель. Послѣ принятыхъ элементарныхъ мѣръ дурнота немедленно прошла, а вмѣстѣ съ тѣмъ вернулось къ Г. Г—у и обычное благодушное настроеніе.

„Скажи, пожалуйста, чего ты такъ испугался?“ спрашивали его.

„Думалъ, что умираю, а если умирать, такъ ужъ пусть лучше на людяхъ“.

Отъ этой нелюбви къ одиночеству онъ никогда не ходилъ одинъ и въ театръ; онъ его и любилъ, но только непремѣнно въ компаніи. Сидя въ театрѣ, онъ внимательно слѣдилъ за пьесой и принималъ горячее участіе въ судьбѣ дѣйствующихъ лицъ. Чувствительныя сцены вызывали у него слезы. Особенно ему нравились мелодическія итальянскія оперы.

Въ его натурѣ былъ большой фондъ экспансивности, благодушія и чисто дѣтской простоты. Оттого онъ любилъ общество молодежи, и молодежь шла къ нему. Онъ интересовался ея развлеченіями и играми, охотно слѣдилъ за ними и даже, гдѣ возможно, самъ принималъ въ нихъ участіе. А разъ участвуя въ игрѣ, онъ непремѣнно увлекался и горячился. Молодежь навѣрное вспоминаетъ, какъ онъ, напримѣръ, играя въ крокетъ и, конечно, плоховато, волновался при каждомъ неудачномъ ударѣ.

* * *

Г. Г. охотно выступалъ въ дружескомъ кружкѣ въ роли застольнаго оратора. Его любили слушать, потому что онъ умѣлъ говорить тепло и сердечно. Кромѣ того, ему всегда удавалось вложить въ свою рѣчь или привѣтствіе какой-нибудь оригинальный и остроумный оборотъ или удачное сопоставленіе. Конечно, дѣло не могло обойтись безъ нѣсколько приподнятыхъ похвалъ, если торжество касалось какого-нибудь

юбиляра, но къ этому относились снисходительно: вѣдь всякому извѣстно, что въ такихъ случаяхъ иначе и быть не можетъ. У него была дикція довольно свободная, своеобразная и не лишенная привлекательности. Хотя онъ любилъ говорить, предварительно подготовившись, однако рѣчь его всегда выходила живой, органической, а не механически вялой, заученной. Онъ иногда заминался, обдумывалъ слова, поправлялся, но затѣмъ снова бойко шелъ впередъ. Что̀ бы такое онъ однако ни говорилъ, онъ непремѣнно найдетъ поводъ упомянуть о необходимости труда и вѣры въ добро... Онъ былъ всегда проповѣдникомъ свѣтлой надежды на будущее, на благополучное разрѣшеніе всякихъ вопросовъ и недоумѣній въ смыслѣ увеличенія на землѣ мира и правды.

Осенью 1885 года бывшіе ученики пансіона Циммермана собрались на обѣдъ въ гостиницѣ „Эрмитажъ". Въ числѣ почетныхъ гостей былъ приглашенъ и Г. Г. Онъ произнесъ за обѣдомъ слѣдующую рѣчь, содержаніе которой я привожу дословно съ его черноваго наброска, сохранившагося у меня:

„Господа, позвольте мнѣ указать на одну черту, которая, по моему мнѣнію, составляетъ характеристическую особенность настоящаго празднества. Заведенія, въ которомъ вы воспитывались, уже давно нѣтъ; въ слѣдующемъ году минетъ ровно 20 лѣтъ, какъ сошелъ въ могилу и дорогой наставникъ, память котораго вы теперь чествуете. (Для незнающихъ считаю долгомъ сообщить, что Романъ Ивановичъ недолго жилъ послѣ того, какъ окончилъ свою педагогическую дѣятельность: поѣхавъ за границу для возстановленія разстроеннаго здоровья, онъ нашелъ тамъ смерть и могилу).

„Итакъ, здѣсь не можетъ быть и рѣчи о какой-либо любезности, о желаніи сказать или сдѣлать кому-либо что-либо угодное. Вы собрались сюда исключительно во имя дорогихъ воспоминаній, вынесенныхъ изъ пансіона, въ силу того обаянія, которое Р. И. всегда производилъ на всѣхъ учениковъ своихъ и благодаря которому, какъ видно, его образъ живо запечатлѣлся въ вашей памяти. И дѣйствительно, рѣдкій человѣкъ былъ Р. И. Едва ли кто изъ современныхъ педагоговъ стоялъ

съ нимъ на одной высотѣ знанія; но не въ одномъ знаніи видѣлъ онъ цѣль воспитанія: своими бесѣдами въ классѣ и въ рекреаціонное время онъ будилъ и развивалъ въ ученикахъ то нравственное чувство, которое воспитываетъ истиннаго человѣка, дѣлаетъ его отзывчивымъ на все доброе, отталкиваетъ отъ всего злого. И если бы суждено ему было дожить до настоящаго дня и присутствовать на этомъ праздникѣ, то съ какой бы радостью привѣтствовалъ онъ такое множество учениковъ своихъ, съ успѣхомъ подвизающихся на избранномъ поприщѣ, приносящихъ по мѣрѣ силъ пользу обществу и вмѣстѣ съ тѣмъ пользующихся въ кругу всѣхъ ихъ знающихъ и имѣющихъ съ ними дѣловыя или иныя сношенія не только уваженіемъ, но и любовью, симпатіей, пріобрѣтаемой не столько успѣхами въ жизни и даже приносимою пользою, сколько именно дорогими качествами ума и сердца. Позвольте мнѣ еще разъ принести вамъ искреннюю благодарность отъ лица всѣхъ бывшихъ вашихъ преподавателей за честь, которую вы намъ оказали, почтивъ насъ приглашеніемъ на этотъ праздникъ. Провозглашаю тостъ за ваше здоровье и дальнѣйшіе успѣхи въ жизни и добрѣ“.

* * *

Кто изъ близкихъ къ Г. Г—у не помнитъ 30-го сентября, память св. Григорія Армянскаго? Этого дня нѣтъ между табельными; Г. Г., не позволявшій себѣ никогда манкировать уроками, являлся домой, по обыкновенію, не ранѣе 4—5 часовъ и въ этотъ день, если онъ приходился въ будни. Слѣдуя давнему обычаю, въ именины онъ собиралъ въ своей квартирѣ*) ближайшихъ друзей на обѣдъ. Стоило видѣть его въ роли амфитріона. Онъ хлопоталъ, суетился, усердно угощалъ всѣхъ, и — весь сіялъ. Видно было, что присутствіе гостей дѣйствительно доставляетъ ему въ душѣ искреннее и огромное удовольствіе. На столѣ появлялись обычное потофе, пирожки съ капустой, составлявшіе славу его стряпухи, и традиціонный ростбифъ. Были времена, когда откупоривалась бутылочка редереру съ золотой головкой. За бокаломъ говорились тосты, выражались пожеланія, за которыя радушный хозяинъ не оставался въ долгу. Онъ умѣлъ всегда сказать что-нибудь любезное по адресу каждаго, примѣнительно къ его любимымъ или профессіональнымъ занятіямъ. Иногда послѣ обѣда составлялся винтъ по двухсотой, въ которомъ хозяинъ принималъ всегда обязательное и самое горячее участіе, или, за отсутствіемъ охотниковъ въ карты, продолжалась далеко за полночь дружеская бесѣда. Шли интересные разсказы о пережитомъ и перевиданномъ, завязывались горячіе споры по поводу отвлеченныхъ вопросовъ или злобъ дня, раздавались очень хорошія и прочувствованныя слова о назначеніи человѣка на землѣ и его роли среди себѣ подобныхъ... И хо-

*) Послѣднія лѣтъ 25 своей жизни онъ провелъ на Арбатѣ, въ домѣ Старицкаго.

зяинъ, первый, вводилъ во все бодрую, жизнерадостную ноту. Врагъ безплодныхъ сожалѣній, сѣтованій, безконечныхъ сомнѣній, отчаянія и всяческаго пессимизма, онъ никогда не сказалъ бы про жизнь: даръ напрасный, даръ случайный... Для него не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію, что жизнь есть величайшее благо и сама по себѣ цѣль: надо только умѣть жить достойно, любя людей и самъ стараясь заслужить ихъ любовь. И любить людей вовсе не трудно: они совсѣмъ не такъ дурны, какъ кажутся, а кажутся они такими часто лишь потому, что сами не понимаютъ своихъ настоящихъ выгодъ. Разъяснить имъ это и составляетъ задачу истиннаго просвѣщенія., руководимаго любовью. Любовь, одна любовь къ себѣ подобнымъ должна служить основаніемъ людского прогресса!

Seid umschlungen, Millionen!
Diesen Kuss der ganzen Welt!

Такова была его житейская философія, и одушевленіе, съ которымъ онъ ее отстаивалъ, передавалось даже его противникамъ. И имъ во сколько разъ симпатичнѣе казался этотъ „непрактичный“ старикъ по сравненію съ высокомѣрными практиками новѣйшей формаціи, смотрѣвшими на него съ высоты своего величія! За ней, за этой непрактичностью, вѣдь стояла крѣпкая вѣра въ идеалъ, а не въ мамона!...

Гости уходили въ приподнятомъ настроеніи, чувствуя себя лучше, добрѣе; передъ ихъ глазами стоялъ образъ этого неутомимаго и бодраго труженика, оставшагося убѣжденнымъ оптимистомъ, благословляющимъ жизнь, несмотря на упорную борьбу за существованіе. И хотѣлось вѣрить, что такъ оно и должно бы быть... Не все же матеріальный интересъ, обманъ, интрига и кумовство! Должна же существовать возможность чисто человѣческихъ отношеній, добрыхъ и дружескихъ, безъ постоянной и неотвязной мысли о борьбѣ и враждѣ, о томъ, какъ бы, изловчившись, выхватить кусокъ получше обманомъ или силой! Хотѣлось вѣрить въ великое начало солидарности людей въ добрѣ...

Да, кто бывалъ на иныхъ именинахъ Г. Г—а, тотъ ихъ не забудетъ!

* * *

Такой человѣкъ не былъ призванъ, чтобы копить капиталы. Когда дѣло касалось денежныхъ и матеріальныхъ интересовъ, Г. Г. не только отличался рѣдкимъ безкорыстіемъ, но проявлялъ подчасъ непостижимую безпечность. Существуетъ положеніе, въ силу котораго лица, занимающіяся преподаваніемъ въ частныхъ домахъ, получаютъ право на пенсію отъ казны, если своевременно исполнятъ извѣстныя формальности, требуемыя закономъ, — драгоцѣнное право, дающее нѣкоторую гарантію подъ старость ветеранамъ этой профессіи. Г. Г. хорошо зналъ объ этомъ, такъ какъ у него были товарищи по институту, преподававшіе по частнымъ домамъ и позаботившіеся вó-время о своихъ интересахъ, а самъ не далъ себѣ труда послѣдовать ихъ примѣру. Нужны были настойчивыя представленія со стороны его друзей, чтобы, наконецъ, убѣдить его воспользоваться своимъ законнымъ правомъ. Но было ужъ поздно. Можно было предвидѣть, что изъ этого ничего не выйдетъ. Онъ записался, будучи лѣтъ 55, такъ что выслужить учительскую пенсію, на которую по годамъ онъ имѣлъ полное право, ему не удалось.

При отсутствіи расчетливости его довѣрчивость къ людямъ, почти дѣтская, и отзывчивость къ чужой нуждѣ заставляли его нерѣдко попадаться впросакъ и позволяли ловкимъ людямъ его эксплуатировать. Сколько, я думаю, у него денегъ въ долгахъ пропало! Былъ случай такого рода.

Какъ-то явился къ нему на квартиру совершенно ему незнакомый молодой человѣкъ. Отрекомендовавшись сыномъ купца, живущаго на окраинѣ города, онъ обратился къ Г. Г—у съ просьбой давать ему уроки для поступленія въ какое-то

заведеніе, при чемъ просилъ позволенія приходить къ нему на квартиру, и предложилъ хорошія условія.

Занятія начались. Молодой человѣкъ являлся очень аккуратно и казался очень любознательнымъ. Ему хотѣлось прочитать и то и другое, и Г. Г. съ обычной готовностью немедленно ссужалъ его требуемыми книгами, если онѣ находились у него въ библіотекѣ. А онѣ какъ разъ всегда находились! Правда, библіотечный шкафъ стоялъ на виду... Училъ уроки ученикъ однако плохо, ссылаясь на то, что отецъ отнимаетъ у него много времени порученіями по торговлѣ. Отъ вниманія учителя не ускользнула также и сильная потасканность костюма у купеческаго сына, только онъ не придалъ этому обстоятельству ни малѣйшаго значенія.

Какъ-то послѣ урока, собираясь уходить, ученикъ сталъ шарить у себя по карманамъ, проявляя при этомъ замѣтное безпокойство.

„Какая досада!— сказалъ онъ наконецъ. — „Забылъ деньги!“

„Ну такъ что жъ?“ полюбопытствовалъ учитель.

„Папаша поручилъ мнѣ расплатиться по векселю тутъ неподалеку, а я, какъ нарочно, оставилъ деньги въ столѣ у себя... Надо изъ-за этого опять ѣхать въ Рогожскую“.

„Велика ли сумма?“

„Да всего... двѣсти рублей“.

„У меня есть сто рублей, —сказалъ добродушно Новицкій, — „и если вы можете обойтись съ ними, то возьмите“.

Ученикъ поблагодарилъ и взялъ, обѣщая вернуть при слѣдующемъ урокѣ. Однако онъ больше не явился. На письмо, посланное по данному адресу, отвѣта не послѣдовало. Г. Г. долженъ былъ прійти къ заключенію, что сдѣлался жертвою мошеннической продѣлки: пропали и книги, и деньги.

* * *

Въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ жизнь его текла однообразно. Зимою большая часть времени уходила на уроки въ учебныхъ заведеніяхъ и частныхъ домахъ; вечера онъ посвящалъ посѣщенію знакомыхъ*). Съ годами число частныхъ уроковъ

---

*) Въ 60—70-хъ годахъ Г. Г. былъ нерѣдкимъ гостемъ въ семьѣ Н. М. Щепкина, гдѣ имѣлъ случай познакомиться съ разными московскими дѣятелями: Н. Н. Грековымъ, предсѣдателемъ съѣзда мировыхъ судей, профессоромъ И. К. Бабстомъ и И. С. Аксаковымъ, Н. Х. Кетчеромъ и др. До самой смерти Кетчера онъ былъ аккуратнымъ гостемъ на его извѣстныхъ „именинныхъ пирогахъ“; тутъ онъ встрѣчался съ А. Н. Аѳанасьевымъ, И. Г. Забѣлинымъ, профессорами С. М. Соловьевымъ и В. И. Герье. Въ 60-хъ годахъ онъ посѣщалъ и тотъ кружокъ, гдѣ задавали тонъ Свириденко, Рыбниковъ и А. А. Козловъ, будущій профессоръ философіи, державшійся въ то время очень радикальнаго образа мыслей. Помню, Г. Г. передавалъ слѣдующій эпизодъ:

„Козловъ, — какъ я замѣтилъ, — пользовался большимъ авторитетомъ въ кружкѣ. Однажды онъ сталъ развивать при мнѣ перспективы реформъ, очень крутыхъ, въ томъ видѣ, какъ онѣ рисовались въ его воображеніи. Всѣ слушали съ большимъ вниманіемъ, а я не выдержалъ и замѣтилъ:

— „Да вѣдь то, чего вы требуете, можетъ вести лишь къ повторенію событій 1793 года?

„Онъ быстро взглянулъ на меня и промолвилъ:

— „Историческія явленія не повторяются!

„Я не сталъ возражать, хотя нашелъ аргументъ при всей его категоричности очень мало доказательнымъ“.

Большое расположеніе къ Г. Г—у всегда выказывалъ Іос. Влад. Станкевичъ, братъ извѣстнаго Николая Влад., которому Бѣлинскій былъ много обязанъ своимъ развитіемъ. Г. Г. не разъ гащивалъ у Іос. Влад. въ его имѣніи „Марки“ Воронежской губ. До конца своей жизни онъ поддерживалъ дружескія отношенія съ И. А. Смирновымъ, бывшимъ главнымъ докторомъ кавказскихъ минеральныхъ водъ, съ М. М. Соколовымъ и В. П. Покровскимъ, инспекторами женскихъ гимназій.

подъ вліяніемъ конкуренціи стало сокращаться, въ связи съ этимъ стала уменьшаться и цифра заработка; подъ конецъ частныхъ уроковъ у него уже не было совсѣмъ. Лѣто онъ проводилъ гдѣ-нибудь на дачѣ или въ имѣніи, у кого-нибудь изъ своихъ многочисленныхъ друзей. Свободные отъ занятій дни онъ посвящалъ чтенію.

Въ основаніи выбора матеріала для чтенія у него всегда лежало стремленіе пополнить свое образованіе, „не отстать отъ вѣка", какъ онъ говорилъ. Само собою разумѣется, вниманіе его привлекали исключительно сочиненія по исторіи и литературѣ. У него была привычка читать по двѣ книги параллельно: одну — содержанія серьезнаго, научнаго, другую — литературную „для отдыха". Я, конечно, не могу имѣть претензіи указать всѣ книги, имъ перечитанныя, но помню, что въ качествѣ книгъ беллетристическаго содержанія я видѣлъ у него въ рукахъ выдающіяся произведенія какъ русской, такъ и иностранной литературы, напр. Die Leiden des jungen Werthers, Wilhelm Meister, романы Гюи де Мопассана, Бурже, Зола, Лоти, I promessi sposi, Le mie prigioni, изъ русскихъ: произведенія гр. Толстого, Потапенка, Боборыкина и др. Книги болѣе серьёзнаго содержанія имѣли часто отношеніе къ его занятіямъ. Такъ, преподавая древнюю исторію въ женскихъ гимназіяхъ, онъ одно время читалъ усердно Масперо „Исторію Востока", чью-то исторію еврейскаго народа на нѣмецкомъ языкѣ, исторію Греціи и Рима Гертцберга, исторію Греціи Курціуса, также L' Europe et la révolution française Сореля и др. Онъ очень цѣнилъ историческія статьи, помѣщаемыя въ приложеніяхъ къ Augsburger Allgemeine Zeitung и говаривалъ, что одна эта газета съ приложеніями доставляетъ безцѣнный матеріалъ, чтобы слѣдить за всѣми выдающимися явленіями современной исторіи, такъ какъ всякое явленіе непремѣнно найдетъ въ ней отголосокъ въ видѣ обстоятельной и безпристрастной статьи.

Онъ любилъ Тэна и во многомъ сочувствовалъ его отрицательному отношенію къ революціи. Съ большимъ вниманіемъ прочелъ онъ у меня на глазахъ Origines, дѣлая оттуда много-

численныя выписки. Это заставляетъ меня сказать нѣсколько словъ объ этой его привычкѣ.

Съ тѣхъ поръ какъ я его узналъ ближе, я не видалъ никогда, чтобы онъ читалъ что-нибудь серьезное, будь это многотомное сочиненіе или журнальная статья, иначе, какъ съ перомъ или карандашомъ въ рукѣ. Онъ находилъ, что не стоитъ приниматься за такое чтеніе, если не стараешься удержать въ памяти существенное, а этому помогаютъ именно выписки. Иногда вниманіе его останавливалось на отдѣльныхъ мысляхъ или фактахъ, иногда — на цѣломъ рядѣ соображеній автора. Послѣ него осталось нѣсколько десятковъ записныхъ книжекъ, наполненныхъ такими извлеченіями. Онъ заносилъ по особымъ рубрикамъ все то преимущественно, что имѣло какое-нибудь отношеніе къ исторіи культуры, интересуясь данными какъ отрицательнаго, такъ и положительнаго характера. Вычитавъ что-нибудь, онъ торопился подѣлиться своими впечатлѣніями и съ друзьями. Сколько горячихъ споровъ, какой обмѣнъ мыслей вызывалъ онъ около себя только этимъ путемъ! Конечно, съ годами привычка къ выпискамъ потеряла свой первоначальный опредѣленный смыслъ: онъ сталъ заносить въ свои книжки безразлично и перемѣну министерства въ Англіи, и землетрясеніе въ Шемахѣ, и заработную плату въ Индіи, и какую-нибудь сельскохозяйственную замѣтку. Но это произошло уже тогда, когда бремя лѣтъ стало заявлять о себѣ и когда всякое чтеніе имѣло слѣдствіемъ позывъ ко сну, съ которымъ приходилось усиленно бороться. Однимъ изъ такихъ средствъ борьбы и было записыванье.

Всю свою жизнь Г. Г. спалъ ночью очень мало, не болѣе 4—5 часовъ, но зато всегда чувствовалъ потребность подремать послѣ завтрака и обѣда, сидя въ креслѣ. Съ годами эта привычка перешла въ сонливость, и онъ охотно дремалъ за газетой во всякое время дня. Правда, ужъ ему было тогда подъ семьдесятъ!

* * *

Въ той тетрадкѣ, о которой мы упоминали, Г. Г. записалъ на память слѣдующія слова Гёте:

Character im Grossen und Kleinen besteht darin, dass der Mensch demjenigen eine stetige Folge giebt, dessen er sich fähig fühlt.

Мысль эта вполнѣ примѣнима къ его собственной дѣятельности. Онъ родился педагогомъ, и большой заслугой его было то, что онъ это вб-время понялъ и пошелъ своей дорогой. Знавши его, можно, я думаю, смѣло сказать, что его нельзя было и представить себѣ дѣйствующимъ на какомъ бы то ни было другомъ поприщѣ, кромѣ педагогическаго. Его сфера была обученіе дѣтей; онъ это умѣлъ и любилъ. Въ этомъ заключалось его неизмѣнное и исключительное призваніе.

Педагогической дѣятельности остался Г. Г. вѣренъ всю свою жизнь. Еще осенью и въ началѣ зимы 1901/2 года, уже сильно страдая отъ больной ноги, онъ не пропускалъ уроковъ въ женскихъ гимназіяхъ, оставаясь дома лишь въ крайнемъ случаѣ. Умирая, онъ жалѣлъ, что не можетъ начать занятія въ срокъ послѣ рождественскихъ каникулъ.

Было время, когда онъ давалъ по девяти уроковъ въ день. И никогда я не слыхалъ отъ него ни слова жалобы на скучную обязанность итти на урокъ! Не существовало такой пріятной компаніи, дружеской бесѣды, партіи въ винтъ — а до всего этого онъ былъ большой охотникъ, — которыя могли бы его удержать отъ исполненія того, что онъ считалъ своимъ долгомъ. Разставаясь по необходимости съ обществомъ, состоящимъ изъ самыхъ его любимыхъ и близкихъ къ нему людей,

съ которыми въ свободное время онъ готовъ былъ засиживаться по цѣлымъ днямъ, онъ никогда не выражалъ сѣтованій въ родѣ: „Ахъ, какъ досадно, непріятно!“ а просто говорилъ: „Что̀ дѣлать! у меня урокъ.“ Этотъ оттѣнокъ я давно замѣтилъ. Въ такомъ отношеніи къ своимъ обязанностямъ было не только больше собственнаго достоинства, но и слышался голосъ призванія, которое не рѣшалось назвать отяготительнымъ любимое и привычное дѣло.

Жизнь педагога, посвятившаго себя всецѣло преподаванію, не могла отличаться разнообразіемъ. Женатъ онъ не былъ, и никакого влеченія къ семейной жизни не имѣлъ. Была у него въ молодости попытка жениться, — попытка чисто теоретическая, безъ всякой романической подкладки, кончившаяся ничѣмъ. Бывая у одного изъ своихъ товарищей, не то по уголовной палатѣ, не то по учительству, отца нѣсколькихъ дочерей, Г. Г. почему-то пришелъ къ заключенію, что одна изъ нихъ способна составить его счастіе, и сдѣлалъ ей предложеніе. Дѣвица отвѣтила: поговорите съ папой.

„Я пошелъ на другой же день объясняться съ отцомъ, — разсказывалъ Г. Г. — Онъ меня встрѣтилъ очень привѣтливо, по обыкновенію. Когда я изложилъ ему цѣль моего визита, онъ отвѣтилъ, что предложеніе мое уже извѣстно ему отъ дочери, которая согласна, и что онъ самъ ничего противъ меня не имѣетъ, но считаетъ своей обязанностью обратить мое вниманіе на то, что дочь его ни на какое приданое разсчитывать не можетъ, и просилъ меня указать на размѣры моего собственнаго заработка. Я сказалъ ему; зарабатывалъ я тогда рублей 50—60 въ мѣсяцъ, не больше. „Не находите ли вы, — сказалъ онъ мнѣ тогда, — что этого маловато для содержанія семьи?“ — Я отвѣтилъ, что, быть можетъ, онъ правъ, но что я питаю надежду получать больше. „Такъ не лучше ли намъ повременить, — продолжалъ онъ, — покамѣстъ вы устроитесь. Дѣло не къ спѣху“. На томъ мы съ нимъ и разстались“.

— А что же было дальше?

„Да... дальше ничего не было. Разговора объ этомъ мы болѣе не возобновляли. Я отъ времени до времени навѣщалъ

ихъ попрежнему... А дѣвица черезъ годъ или полтора послѣ этого вышла замужъ за другого“...

Въ 60-хъ годахъ Г. Г. совершилъ двѣ непродолжительныя заграничныя поѣздки вмѣстѣ съ своимъ бывшимъ товарищемъ по институту Н. В. Луженовскимъ*) и его женою. Онъ побывалъ въ Берлинѣ, Дрезденѣ, Эмсѣ, Парижѣ. Въ одну изъ этихъ поѣздокъ Новицкому было поручено И. С. Аксаковымъ переслать письмо къ Герцену въ Англію. Поѣздки эти, быть можетъ, по причинѣ своей кратковременности, не оставила никакого слѣда на развитіи Г. Г—а. Музеями онъ мало интересовался, потому что отъ природы былъ довольно равнодушенъ къ искусству. Онъ похаживалъ иногда на картинныя выставки, выносилъ оттуда кое-какія отрывочныя впечатлѣнія, но видно было, что серьёзнаго интереса въ этой области у него не было.

Въ 80-хъ годахъ онъ принималъ живое участіе въ занятіяхъ педагогическаго отдѣла Общества распространенія техническихъ знаній, писалъ доклады**) и состоялъ даже нѣкоторое время секретаремъ. Затѣмъ, онъ какъ-то сразу охладѣлъ, не только сложилъ съ себя обязанности секретаря, но и вовсе пересталъ посѣщать засѣданія. Зная, что онъ всегда очень зорко слѣдилъ за соблюденіемъ собственнаго достоинства, и принимая въ соображеніе нѣкоторые намеки, я полагаю, что вышло какое-нибудь недоразумѣніе: онъ почелъ себя задѣтымъ и рѣшилъ удалиться.

---

*) Тамбовскій помѣщикъ; служилъ нѣкоторое время въ Московской городской Думѣ въ качествѣ редактора „Извѣстій“ и умеръ года за три до Г. Г—а.

**) Однажды онъ читалъ въ кругу друзей большой и очень обстоятельный докладъ „О прагматическомъ преподаваніи исторіи“.

* * *

Гуманный и широкій взглядъ на жизненныя явленія придавалъ Г. Г—у извѣстный умственный и нравственный обликъ, въ проявленіи котораго, какъ это ни странно сказать, онъ долженъ былъ соблюдать извѣстную осторожность, принимая во вниманіе то зависимое положеніе, въ которое его поставила судьба. Ему не слѣдовало терять изъ виду сложныхъ условій русской жизни и помнить, что идеи, имѣвшія для него и для большой части образованнаго міра значеніе общепризнанныхъ истинъ, для нѣкоторыхъ непонятны, а у другихъ не въ фаворѣ и даже признаются за измышленія вредныя. Излишняя откровенность съ людьми несовсѣмъ ему близкими могла навлечь на него, пожалуй, обвиненіе „въ неумѣстномъ для учителя либерализмѣ". Особенный тактъ требовался въ сношеніяхъ съ тѣми лицами, отъ которыхъ зависѣло дать или отнять у него заработокъ, тѣмъ болѣе, что ни въ какой сферѣ дѣятельности конкуренція не даетъ себя такъ сильно чувствовать, какъ въ педагогической. Извѣстно, что въ столицахъ особенно много кандидатовъ на учительскія должности, и нѣтъ ни малѣйшаго затрудненія на мѣсто уволеннаго учителя поставить немедленно другого. Насколько новый будетъ лучше стараго — это, конечно, другой вопросъ, о которомъ иногда, къ сожалѣнію, мало заботятся.

Можно сказать, что Г. Г. обладалъ этимъ тактомъ и зналъ, съ кѣмъ можно быть вполнѣ откровеннымъ, съ кѣмъ слѣдовало держать себя настороже. Въ разнообразныхъ обществахъ, гдѣ онъ вращался, ему приходилось подчасъ выслушивать крайне ретроградныя мнѣнія и не поднимать голоса въ защиту того, что̀ онъ считалъ правдой, отчасти изъ свой-

ственной ему скромности, отчасти вслѣдствіе сознанія собственнаго безсилія передъ заблужденіями, возведенными въ догматъ, отчасти изъ чувства самосохраненія. Это положеніе его всегда тяготило, тѣмъ болѣе что отъ природы онъ былъ экспансивный человѣкъ и не любилъ прятать свои мысли и чувства.

„Надо самому испытать бѣдность, чтобы знать, до какой степени иногда тяжело зависимое положеніе“, говаривалъ онъ.

Случалось однако, что онъ не сдерживалъ себя и подавалъ голосъ въ тѣхъ случаяхъ, когда другіе предпочли бы молчать.

„Иду я какъ-то по Арбату, — разсказывалъ онъ, — и вижу: городовой наскакиваетъ на разносчика съ яблоками, бранитъ его и гонитъ съ мѣста. Разносчикъ поднимаетъ лотокъ съ тумбы и готовится уходить. Въ это время городовой толкаетъ его такъ, что лотокъ выпадаетъ у него изъ рукъ и яблоки разсыпаются по мостовой. Меня это возмутило; я не выдержалъ и обратился къ городовому: „Какъ вамъ не стыдно такъ обходиться съ людьми!“ Городовой смѣрилъ меня глазами. „А вамъ, — спрашиваетъ, — кто далъ право вмѣшиваться?“ — Я говорю: „Я собственными глазами видѣлъ, что разносчикъ собирался самъ уходить, прежде чѣмъ вы его пихнули“. — „Хорошо, — говоритъ. — Только вы ужъ объясненія ваши потрудитесь дать въ участкѣ“. Я, конечно, долженъ былъ подчиниться этому требованію, хотя и шелъ на урокъ. Пошли мы въ участокъ. Я молчу. Городовой начинаетъ заговаривать первый. „А вы кто такіе будете?“ — Я отвѣчаю: „Преподаватель такихъ-то казенныхъ учебныхъ заведеній, коллежскій совѣтникъ такой-то“. На это городовой, спуская тонъ: „И охота вамъ, господинъ, вмѣшиваться не въ свое дѣло! Вотъ вы заступились за разносчика, а вѣдь не знаете, за что я его гналъ. Ужъ не первый разъ ему говорено, чтобъ онъ не смѣлъ останавливаться на неуказанномъ мѣстѣ“. — А я ему на это: „Въ этомъ ваша обязанность, но это не даетъ вамъ права толкаться и причинять людямъ убытки“. Такъ мы съ нимъ поговорили нѣкоторое время. Потомъ онъ говоритъ мнѣ: „Ужъ вы лучше, господинъ, идите своей дорогой, а то вѣдь изъ всего этого

ни для васъ, ни для меня никакой пользы не выйдетъ". Я и пошелъ на урокъ".

Обсуждая этотъ инцидентъ въ пріятельскомъ кружкѣ, Г. Г—у, шутя, ставили на видъ, что онъ свой цивическій подвигъ все-таки не довелъ до конца, т.-е. до участка.

Въ 70-хъ годахъ Г. Г. былъ хорошо принятъ въ семьѣ одного медицинскаго профессора, очень извѣстнаго въ Москвѣ; жена профессора была его ученицей. Отношенія эти, установившіяся въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, казались очень сердечными. Г. Г. весьма охотно похаживалъ на журфиксы поиграть въ карты съ хозяиномъ дома; послѣ картъ подавался ужинъ, за которымъ завязывалась оживленная бесѣда. Въ это время въ Петербургѣ разыгрался политическій процессъ, надѣлавшій очень много шуму. Какъ обстоятельства дѣла, такъ и вердиктъ присяжныхъ вызывали массу противорѣчивыхъ сужденій среди общества. На эту тему зашелъ разговоръ и у профессора.

„Среди присутствующихъ,—разсказывалъ Г. Г.,—нѣкоторые находили оправдательный приговоръ присяжныхъ возмутительнымъ. Къ нимъ присоединялся и хозяинъ дома. Не затрогивая дѣла по существу, я позволилъ себѣ только высказать, что въ дѣлѣ обнаружены были такія злоупотребленія, которыя могли въ глазахъ присяжныхъ послужить смягчающими обстоятельствами въ пользу обвиняемой. Я замѣтилъ, что хозяинъ слушалъ меня очень внимательно. Казалось, я ни въ чемъ особенномъ не провинился. Поэтому я былъ крайне удивленъ, когда при уходѣ ужъ не получилъ любезнаго приглашенія бывать, какъ это обыкновенно водилось. Мои замѣчанія, повидимому, были дурно приняты, и посѣщеніямъ моимъ у профессора былъ положенъ конецъ. Мы встрѣчались нѣсколько разъ и послѣ этого; и мужъ и жена были со мной, какъ будто, попрежнему любезны, но приглашенія бывать я уже никогда не получалъ".

Въ другой разъ не менѣе невинный шагъ имѣлъ для Г. Г—а болѣе серьёзныя послѣдствія.

По Москвѣ прошелъ слухъ, будто въ одномъ учебномъ заведеніи, гдѣ преподавалъ Новицкій, больной воспитанникъ

содержится небрежно, безъ надлежащаго ухода. Кто-то высказалъ Г. Г—у, что ему не мѣшало бы, ради чести заведенія, довести объ этихъ слухахъ до свѣдѣнія начальства. Не размышляя долго и не посовѣтовавшись съ близкими людьми, Г. Г. бросился со своимъ заявленіемъ.

Признаться, я ужаснулся, когда — уже слишкомъ поздно — узналъ объ этомъ неосторожномъ ходѣ со стороны стараго человѣка, котораго, казалось, должна была умудрить жизнь. Онъ какъ будто забылъ весь исконный ея строй, ревнивую щепетильность, которую иное начальство проявляетъ при охранѣ того, что называетъ „своими правами", нетерпимость къ чужому глазу и чужому вмѣшательству, особенно въ томъ случаѣ, если это вмѣшательство исходитъ отъ лица, которое причисляется къ подчиненнымъ, наконецъ весьма возможное и часто встрѣчающееся смѣшеніе человѣка, движимаго чувствомъ правды, со сплетникомъ... „Какъ онъ смѣетъ лѣзть со своими совѣтами? совать носъ не въ свое дѣло?" — И другія лица, близкія къ Г. Г—у, раздѣляли мой взглядъ.

А онъ горячился и не соглашался съ нами:

„Я всегда держался того мнѣнія, — восклицалъ онъ, — что лучшее средство для борьбы съ клеветой — это гласность. Вывести наружу ложь значитъ разоблачить ея гнусность".

Ему ставили на видъ, что доказать несостоятельность всякой сплетни и клеветы не всегда такъ легко, какъ ему представляется, что передатчикъ дурныхъ слуховъ невольно дѣлается ихъ распространителемъ и что благоразуміе часто требуетъ именно противнаго, чтобъ заглушать глупые толки. Онъ не сдавался.

Но слѣдуя естественному ходу вещей, мы боялись, что этотъ инцидентъ не останется безъ послѣдствій.

Вначалѣ все шло какъ будто по маслу.

„Заявленіе мое, — говорилъ Г. Г., — было принято съ благодарностью. Мнѣ сказали, что примутъ во вниманіе мое сообщеніе и что больной воспитанникъ прежде всего самъ готовъ засвидѣтельствовать вездѣ про нелѣпость слуха".

Однако вскорѣ мы услыхали отъ него и другія рѣчи.

„Я не могъ не замѣтить,—сообщалъ онъ,—что отношенія ко мнѣ директора измѣнились послѣ этого къ худшему: онъ сталъ со мной замѣтно суше“.

Недолго находилъ Г. Г. послѣ этого въ это заведеніе. Какъ-то осенью онъ принесъ показать мнѣ только-что полученное письмо. Его увѣдомляли, въ отмѣнно вѣжливыхъ выраженіяхъ, что, къ сожалѣнію, съ нимъ приходится разстаться въ виду какого-то циркуляра... Вся бѣда была въ томъ, что у Г. Г—а не было диплома высшаго учебнаго заведенія. Правда, это всѣмъ было извѣстно очень давно, и на это до сихъ поръ не обращали ровно никакого вниманія, зная, что онъ и безъ диплома хорошій педагогъ. А теперь это припомнили... Что жъ дѣлать! Dura lex, sed lex.

Это были уже не прежнія времена, когда Г. Г. зарабатывалъ до трехъ тысячъ въ годъ: потеря этихъ уроковъ была для него очень чувствительна. Старому учителю, котораго выкидывали за бортъ, какъ ненужный хламъ, шелъ уже седьмой десятокъ.

Къ счастію, начальство другихъ учрежденій не такъ относилось къ Г. Г—у. Вотъ что говорилъ инспекторъ одного изъ учебныхъ заведеній, гдѣ онъ преподавалъ:

„Мы очень дорожили Г. Г—мъ и рѣшились бы съ нимъ разстаться развѣ въ случаѣ лишь полной его инвалидности. Онъ вносилъ въ преподаваніе такую опытность, добросовѣстность и умѣнье заставить учиться и слушаться себя, что присутствіе его было незамѣнимо“.

* * *

Я видѣлъ Г. Г—а дня за три до кончины въ полусознаніи. Губы его шептали:

„Все хорошо, только вотъ тутъ (указывая на лобъ) есть двѣ черты, которыя никакъ не могутъ сойтись... Надо отмѣнить, да! непремѣнно отмѣнить это вѣковое зло! Рано или поздно... надо!“

Какое зло?!

Затѣмъ онъ оглянулся вокругъ себя и, очевидно, узнавъ нѣсколько знакомыхъ лицъ, проговорилъ съ усиліемъ, стараясь улыбнуться:

„Когда собираешься разставаться съ жизнью, какъ пріятно видѣть такое общее къ себѣ сочувствіе!“

Это была послѣдняя вспышка разума. Послѣ этого онъ опять забредилъ.

Послѣдніе два дня онъ былъ совсѣмъ безъ памяти...

* * *

Въ день похоронъ церковь св. Троицы на Арбатѣ была полна народа.

Начальство учебныхъ заведеній, въ которыхъ онъ преподавалъ, явилось отдать послѣдній долгъ усопшему... Были особы въ мундирахъ и орденахъ.

Въ двухъ женскихъ гимназіяхъ не учились. Дѣвочкамъ было объявлено, что онѣ могутъ, если желаютъ, присутствовать при отпѣваніи тѣла своего стараго наставника. Почти всѣ явились. Многія плакали.

Наканунѣ была сильная метель, и лица, пріѣхавшія на Ваганьковское кладбище, чтобы бросить горсть земли въ открытую могилу, должны были пробираться къ ней, утопая въ снѣгу.

Было много вѣнковъ... Яркими цвѣтными пятнами выдѣлялись они на мертвомъ саванѣ природы и, казалось, говорили, что не все умерло, что есть впереди жизнь и надежда, что память объ усопшемъ не должна исчезнуть...

* * *

Оканчивая эти воспоминанія, я вызываю въ своей памяти два момента, особенно ярко въ ней сохранившіеся.

Лѣто, деревня, теплый и ясный день. Г. Г. гоститъ у одного изъ близкихъ людей. Компанія старыхъ и молодыхъ собирается на пикникъ въ сосѣднее имѣніе. Экипажи уже поданы. Г. Г., готовый къ отъѣзду, въ пальто и котелкѣ, помахивая тростью, стоитъ у подъѣзда и топчется, переступая съ ноги на ногу. Это была его характерная особенность: онъ не могъ устоять на мѣстѣ двухъ минутъ, не перемѣняя ноги. Солнце весело скользитъ по его здоровому лицу, золотымъ очкамъ, сѣдѣющей бородѣ, трости и — неизбѣжному нумеру „Русскихъ Вѣдомостей“, запиханному въ карманъ пальто ради развлеченія, на всякій случай. Онъ напѣваетъ вполголоса Херувимскую Бортнянскаго, не то „царицыну“, не то „волторную“, — старое институтское воспоминаніе, — или свою любимую арію изъ „Ломбардовъ“: La mia letizia infondere vorrei nel tuo bel core, упирая со своеобразнымъ придыханіемъ на главные такты. Иногда онъ прерываетъ пѣніе и, неизвѣстно для чего, дѣлаетъ: ого-го-го! Онъ внимательно слѣдитъ за приготовленіями къ отъѣзду и комментируетъ ихъ вслухъ:

„Ахъ, вотъ и милая Юлечка явилась!... А вотъ и ваша милость!... Наконецъ-то и вы пожаловали, ваше превосходительство! — Несутъ и пищу!...“

И при словѣ „пища“ прибавляетъ любимую прибаутку, заимствованную изъ старинной риторики:

„Нѣтъ слаще, чище пищи рая“.

Вся фигура его дышетъ такой жизнерадостностью, такимъ душевнымъ миромъ и внутренней гармоніей, что я невольно останавливаюсь полюбоваться имъ, и мнѣ самому становится на душѣ весело и радостно...

... Другой моментъ: пріятель празднуетъ свадьбу. Всѣ сидятъ уже за столомъ. Въ окна смотритъ сѣрый дождливый день, но о погодѣ никто не заботится: дружеская бесѣда въ полномъ разгарѣ. Въ одномъ углу раздается звонкій дѣвичій смѣхъ, въ другомъ — басятъ мужчины. Это не натянутое, случайно собравшееся общество, — все хорошо знакомые или родные люди. Вдругъ среди громкаго говора слышится стукъ ножа о тарелку: кто-то хочетъ говорить. Съ бокаломъ въ рукѣ поднимается знакомый всѣмъ, небольшой, приземистый человѣкъ въ очкахъ съ рыжеватой сѣдѣющей бородой.

„А, это нашъ бардъ! Потише, господа!“

Шумъ затихаетъ. Раздается: „Милостивыя государыни и милостивые государи!...“ Примѣняясь къ случаю, Г. Г. обращается съ рѣчью къ виновникамъ торжества. Онъ упоминаетъ о старинной связи, существующей между нимъ и новобрачнымъ, о чувствахъ любви и уваженія, которыя внушаетъ ему новобрачная и ея семейство, даетъ лестную и дружески снисходительную оцѣнку душевныхъ качествъ „молодыхъ“, выражаетъ надежду, что супругъ въ будущемъ выступитъ съ честью по избранной имъ общественной дѣятельности. Затѣмъ ораторъ переходитъ къ обычнымъ пожеланіямъ... Въ это время яркое солнце внезапно прорѣзываетъ густыя облака и разливается снопами тепла и свѣта по пирующимъ. Какъ кстати! Г. Г. дѣлаетъ энергическій жестъ по направленію свѣтила.

„Да будетъ этотъ свѣтлый лучъ завѣтомъ начинающагося счастія!“ почти выкрикиваетъ онъ съ одушевленіемъ, кончая рѣчь и протягивая бокалъ къ новобрачнымъ.

Раздаются апплодисменты. Оратора окружаютъ, жмутъ ему руки, обнимаютъ, цѣлуютъ... Онъ нѣсколько сконфуженно улыбается, счастливый общимъ вниманіемъ:

„Ужъ простите, плохо приготовился! чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ!“

На этомъ мы остановимся и скажемъ послѣднее: „прости“ „хорошему“ человѣку, который любилъ людей, бодро несъ до конца, не унывая и не жалуясь, нелегкое бремя жизни, приглашалъ и другихъ къ совмѣстному труду на благо человѣчества и никогда не сомнѣвался, что оно, это человѣчество, вопреки всякимъ препятствіямъ, медленнымъ, но твердымъ шагомъ идетъ неуклонно все впередъ по пути къ свѣту и — къ счастію.

С. Витенево.
Сентябрь, 1902.

